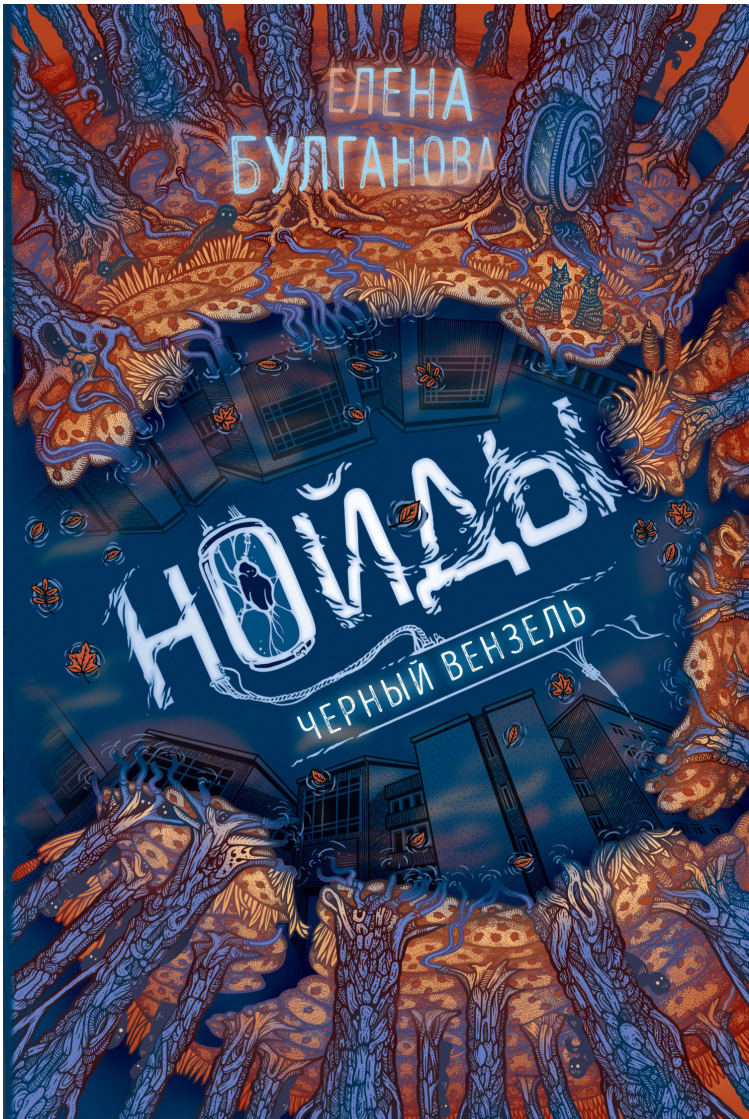


ЕЛЕНА
БУЛГАНОВА

НОМЛО

ЧЕРНЫЙ ВЕНЗЕЛЬ



Елена Дмитриевна Булганова

Нойды. Черный вензель

Серия «Нойды», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980947
Нойды. Черный вензель. роман: РОСМЭН; Москва; 2022
ISBN 978-5-353-10277-9*

Аннотация

Вторая книга в новой захватывающей серии Елены Булгановой, автора любимых читателями циклов «Вечники», «Инсомния», «Навия».

Загадочные найденыши, обладающие удивительными способностями, хотят знать тайну своего появления на свет. Существует Институт, в котором их создали, но, кроме того, имеется, оказывается, и таинственный заказчик, по воле которого найденыши стали такими, какие они есть. А еще есть другие дети, очень похожие на них. Или совсем не похожие? Говорят, их способности несут окружающим смерть. Так зачем же их создали такими? У заказчика большие и, кажется, совсем недобрые планы на найденышей. Он опасен и могуществен. Что же делать? Как выжить и не подчиниться его воле? Пятеро больше никому не верят. Они будут действовать сами...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	65
Глава 5	83
Глава 6	104
Глава 7	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132



Елена Булганова

Нойды. Черный

вензель. роман

...И ад следовал за ним.

Откр. 6:8

© Елена Булганова, текст, 2022

© ООО «РОСМЭН», 2022

Глава 1

Городок под землей



Машина скорой то и дело меняла направление. Возможно, Эдуард и сумел бы сориентироваться в пространстве, если бы не был так сокрушен известием о потере глаза. К этому потрясению примешивались путанные мысли о том, что рассказала Элла. Хорошо бы уточнить, что она имела в виду под словами «буду ухаживать за тобой». Например, сохраняют ли эти слова силу, если все наладится. Но он промолчал, не осмелился.

За дымчатыми стеклами почти ничего не было видно, разве что размытые силуэты сперва домов, потом деревьев. А когда машина резко пошла вниз, Редкий от удивления приподнялся на локтях.

– С горки, что ли, едем?

– Нет, приехали уже. – Элла не отрывала от него настороженного взгляда, даже не моргала почти. – Сейчас заезжаем в подземный гараж. Вообще все клинические отделения находятся на подземных этажах: Институт не имеет лицензии на лечебную деятельность.

– Но мог бы легко получить ее, верно?

– Верно. Но им это не нужно. А проверяющие до нижних этажей не добираются, просто не знают о них.

– Слушай, а я смогу оттуда позвонить Тохе? – заволновался Эдик, провел рукой по карману спортивных штанов, где лежал телефон. – Или мобильник сразу отберут?

Даже несмотря на помутнение зрения, он заметил, как Элла закатила глаза.

– Да никто ничего не отберет, звони на здоровье! Тебя не в гестапо везут. Даже не в тюрьму.

Машина тем временем мягко затормозила, хлопнула дверь, и послышались чужие голоса. Редкий поежился и ощутил, что ладони стали влажными.

– И, Эд, я хотела тебя предупредить...

– Ну?

– Институт разрабатывает одновременно сотни проектов.

Я знаю про «Первенцев», потому что... причастна к нему, скажем так. Но большинство работников про него никогда даже не слышали, особенно те, кто в клиническом отделении. Поэтому не надо видеть во всех врагов, а тем более брать языка, похищать документы, пытаться проникнуть на другие уровни. Последнее, кстати, чревато: здесь каждый этаж словно отдельное государство с надежными границами. Лучше сосредоточиться на своих проблемах, хорошо?

Редкий неопределенно пожал плечами. Ему хотелось выглядеть в глазах Элки кем-то более героическим, нежели одноклазым пациентом, доставленным в клинику по знакомству. Снаружи доносился шорох – кажется, к скорой подгоняли более мелкие средства передвижения. Шофер зычно переговаривался с кем-то, пару раз громко хохотнул.

– Кстати, и Тохе не обязательно брать Институт приступом. Он и так может с тобой повидаться. В отделение, конечно же, посетителям нельзя, но тут есть закрытый парк. Туда пускают по записи, так что сразу подай заявку, кого готов принять.

Эдик подумал о ребятах, теперь уже пятерке. Будет странно и даже жутковато, если они захотят навестить его здесь, в том месте, которое их породило. Их выкинули отсюда в большой мир, как котят, посмотреть, выживут или нет. И теперь продолжают ими манипулировать.

– Спроси Антона при случае, захочет ли он видеть меня, – отворачиваясь, пробормотала Котенок таким упавшим голо-

сом, что у Эдуарда как-то беспокойно засвербело в груди.

– А тебе это так важно? – спросил он, стараясь не выдать ревности.

– А думаешь, нет? Мы с ним дружим много лет. Дружили... Еще с тех пор, когда с родителями и Инной все было хорошо.

– А, ну да, – сообразил Редкий. В груди отпустило. – Я никогда не спрашивал тебя, Эл, все к слову не приходилось: как тебе удалось тогда заманить Тоху на это дурацкое заседание клуба редких фамилий?

– Не мне, – опуская голову, разом охрипшим голосом ответила Элла. – Это Инке удалось.

– В смысле? – Эдик резко сел на носилках.

И пожалел об этом: закружилась голова, резко кольнуло в глазу, точнее в опустевшей глазнице.

– А ты не знал? Антону, вроде бы, нравилась Инна, то есть даже наверняка нравилась. Но он, подозреваю, боялся отказа, поэтому всегда приглашал нас обоих, вроде как по дружбе.

– Вот это да! – выдохнул потрясенный до глубины души Редкий. Он вообще не подозревал за Кинебомбой причастности хоть к одной любовной истории. – А как же... он ведь не знает?..

– Потом случилась история с подкидышами в парке, и Антон полностью на нее переключился. Возможно, хотел распутать то дело поскорее, стать героем и в таком статусе пред-

стать перед Инной. Но все затянулось, сам знаешь. Потом он звонил пару раз, уже после аварии. Я говорила ему, что Инна в отъезде, раз, другой. Думаю, он все по-своему понял и звонить перестал.

– Почему не сказала правду?

Голос прозвучал слишком сурово, Эдик аж сам поморщился.

– Какую? Что Инка жива, но видеть ее нельзя и узнать, где она находится, тоже нельзя? Когда мы снова встретились, я ему, как и всем вам, рассказала, что она работает в школе. Страшно боялась, что он будет приходить, караулить, пытаться поговорить, – но нет.

– Ну да, логично. Куда ему такому жениться, в самом деле? Слушай, а твоей сестре Тоха как, нравился хоть немного?

Элла резко дернула плечом, и Эдик понял неуместность своего вопроса. Пробормотал извинение, слова совпали с клацаньем открывающейся двери. Санитар в салатовой униформе помог девушке спуститься. Напоследок она бормотнула через плечо:

– После обеда приходи в Городок. Ну, если сможешь, поначалу много осмотров, процедур.

– Куда?

Но ее уже увели. Эдика спустили умело и ловко, тут же пересадили в специальное кресло. Территория вокруг походила на самолетный ангар, каждая машина скорой – Редкий

насчитал еще три – занимала отдельный отсек с прозрачными стенами и отходящим от него коридором. В такой коридор его и увезли. Потом был лифт, уносящий вниз, и скоро Эдуарда доставили в смотровую – светлую, прямо-таки сияющую. Он содрогнулся, когда медсестра начала срезать бинтовой кокон.

«Только бы не видеть себя таким», – пронеслось в мозгу. Вокруг хватало металлических шуток с зеркальным эффектом, и он на всякий случай зажмурил уцелевший глаз.

Осматривали его сразу три доктора, он слышал над головой их степенные, размеренные голоса. Но, о чем шла речь, не понимал, потому что разговор шел на английском. Язык-то Эдик худо-бедно знал, но не все эти термины. Да он и не вслушивался, боялся узнать, что его дело хана. Осмотр тянулся и тянулся, а потом вдруг прозвучало по-русски:

– Ну вот и все, дружок, можешь отправляться в палату.

– А когда операция? – вскинулся Редкий, выискивая взглядом русскоговорящего.

Над ним возвышался широкоплечий профессор с маленькой и круглой, как футбольный мяч, головой на тумбообразной шее. Верхняя часть лица была полностью скрыта за какой-то сложной установкой, наверное способной просветить пациента насквозь. Полные губы охотно растянулись в снисходительную улыбку:

– Погоди ты с операцией, милый, нам сперва нужно кой-какие детальки для тебя вырастить. А пока отдыхай, наби-

райся сил. О плохом не думай – уйдешь от нас краше прежнего.

Редкий внутренне поморщился от этих слов – он ощущал себя на территории врага. В мечтах уже брал профессора в плен в качестве языка и вытрясал из него сведения о первенцах. Но наяву приходилось как-то подстраиваться, и он усилием воли соорудил благодарную мину.

После этого юная медсестра в лихо заломленной белой шапочке проводила Эдика в палату на одного человека, без окон, но светлую и просторную, полную загадочных приспособлений, и показала ему, как регулировать кровать, температуру, приток воздуха, по какому устройству связаться с медперсоналом. Потом вышла, одарив его напоследок изумительным взглядом шоколадных глаз.

«Началось», – подумал Редкий. Он был уверен, что кто-то из тех, кто подослал к ним Эллу, захочет пообщаться с ним, прощупать его или что-то ему предложить. Глуша волнение, заглянул в ванную, оценил простор и комфорт. Здесь была и душевая кабина, и вполне классическая ванна, сверкающая, словно розовая с перламутром ракушка. Эдик в темпе обнажился и нырнул за занавеску, душ взял в руки, чтобы не мочить повязку. Пусть видят, что он вовсе не взволнован, живет по своему графику.

Вышел в одном полотенце и смущенно охнул: медсестричка снова была в его палате, раскладывала на кровати стопки одежды. Но, кажется, он неверно истолковал ее взгляд,

девушку интересовали лишь параметры его фигуры. За ее быстро мелькающими пальцами он рассмотрел банный халат, спортивный костюм, пижаму и набор футболок. Да уж, Институт не мелочился.

Перед уходом медсестра выразительно потыкала пальцем в рамочку на стене напротив ванной комнаты. Эдик подошел, сфокусировал зрение – делать это становилось все сложнее – и изучил написанное. Там было расписание на нескольких языках, из него он выяснил, что через час будет обед. Рядом была нарисована подробная схема этажа. За границей отделения находилась просторная зона, обозначенная как «Городок».

Там же Эдик обнаружил инструкцию, как надеть на руку некий браслет. Крупным шрифтом указывалось, что без браслета по территории клиники перемещаться запрещено.

Редкий вернулся к кровати, искал взглядом – браслет дожидался его на прикроватной тумбе. Пепельно-серый, пластиковый, но с электронной начинкой и маленьким табло. Стоило Эдику защелкнуть его на руке, как браслет тихо и мелодично звякнул, словно поздоровался. И сразу обнаружилось, что снять его самостоятельно уже не получится.

Тут позвонил Антон. Поднося к уху телефон, Эдуард окинул подозрительным взглядом электронику, подмигивающую ему со всех сторон.

– Привет, живой пока? – в своем духе приветствовал его Кинебомба.

– Да вроде как.

– Какой степенью свободы располагаешь?

– Ну сейчас в палате, где-то очень глубоко под землей.

Но Элка говорила, тут даже посетителей можно принимать, в смысле, на территории Института, в парке. Не разузнал пока.

При упоминании об Элле кровь бросилась Эдику в лицо: нелегко было говорить о ней после случившегося. А Антон спросил сухо и отрывисто:

– Слушай, а ты точно не знал насчет того, что Элла работала в школе под именем сестры? Или вы с ней на пару нас морочили?

– Разумеется, нет! – отчеканил Редкий. – В голову такое не приходило.

– Она ведь трудилась по документам сестры, – не реагируя на его тон, продолжал Кинебомба. – Не знаешь часом, куда она Инну-то задевала?

К такому Эдик был не готов, не успел придумать, что говорить. Но, может, настала пора сказать правду?

– Понимаешь, – пробормотал он, – она была в той машине, где и родители, но...

– Я понял, – перебил друг. – Ладно, позднее позвоню, тут у меня...

И отключился. Эдуард некоторое время растерянно разглядывал телефон. Неужели Тоха в самом деле был влюблен в Инну Котенок? И любит ее до сих пор? В таком случае он сейчас нанес другу сокрушительный удар.

Растерянный, все еще чего-то ждущий, Эдик лежал немного на кровати прямо поверх одеяла, дивясь царящей тут тишине, которую не то что в больницах, в отелях не сыщешь. В палату не доносились голоса и шаги из коридора, так что он даже задремал. Проснулся от какого-то неосознанного тревожного чувства, торопливо встал и начал собираться на обед.

Чтобы попасть в столовую, нужно было пройти через все отделение, а потом подняться немного вверх по самодвижущейся широкой лесенке. Столовая оказалась небольшая, всего столиков на десять, и за большинством из них уже сидели где один, где пара человек. Редкий заключил, что больных в отделении немного, хотя сложные пациенты наверняка питались в палате.

Остановившись на пороге, он поворачивал голову так и эдак, выискивая взглядом Эллу. Но ее не было, и от беспокойства у него разом пропал аппетит. Странно, совсем недавно Эдик думал, что между ними все кончено. В лучшем случае можно держаться с ней ровно, с учетом обстоятельств, которые заставили девушку согласиться на грязную игру.

Но стоило не увидеть ее, как накатила паника: а вдруг Эллу решено устранить, ведь не случайно она оказалась в центре взрыва? Ее поделеньки это не удалось, в Институте вздохнули и взяли доработку на себя. На подошедшую к столу девушку в халате и смешном чепчике Эдуард глянул с та-

ким жгучим подозрением в единственном глазу, что она отступила на шаг.

– Где тут у вас Городок?

Девушка махнула рукой в сторону, противоположную той, откуда пришел Редкий. Собственно, он и сам это уже знал. Встал, направился туда, и никто его не окликнул, не задержал.

Эскалаторная лесенка довольно долго везла его вниз, а потом прямо, через подсвеченный веселыми огоньками туннель. А когда выехали из него, Эдуард даже рот разинул от изумления – перед ним раскинулся настоящий город. Славный старинный городок с каменными мостовыми, благоухающий запахами свежей выпечки, жареного мяса, живого огня. С настоящей травой вдоль мощеных дорожек и пламенеющими цветочными клумбами.

В паре шагов от выхода из туннеля находилось кафе с открытой террасой. За живой стеной выюнка можно было разглядеть людей за столиками, каменную печь в углу – смуглый парень с выбритой до блеска головой сгружал в нее с железной лопаты небольшие круглые хлебцы. Витрину магазинчика напротив украшало живописное панно из сыров, колбас, овощей. Выше по узкой улочке виднелся пруд, по которому кружила пара черных лебедей.

Город тянулся и забирался вверх, на гору, и пораженный Редкий закинул голову, чтобы понять, не оказался ли он непостижимым образом под открытым небом и непонятно

где, ведь гор в их местности отродясь не водилось. Но высоко вверх был потолок, выкрашенный в темный цвет и потому почти незаметный.

Эдуард зашагал вперед, вращая головой так, что едва шею не свернул, но скоро его окликнули. Элла сидела на террасе у круглой будочки-кафе, за накрытым зеленой скатертью столом. Он машинально подошел и сел рядом. Сказал:

– Привет, чего на обед не пришла?

– Не хотелось. Тут поем.

Он заметил, что глаза у девушки красные, хотя она и старалась улыбаться. Исчезли бинтовые повязки на руках, их заменили телесного цвета плотные перчатки. И она больше не держала кисти рук на весу, а уложила спокойно на скатерть.

– Эта технология называется искусственная кожа, – перехватила его любопытный взгляд Котенок. – Закрывает рану, но дает ей дышать и заживать. Я могу снова пользоваться руками.

В доказательство своих слов она потянулась к стоящему перед ней стакану с соком.

– Больно было такое накладывать?

– Нет, что ты!

– А чего ревела? – спросил нарочито грубо.

Элла перестала улыбаться и уперлась взглядом в столешницу.

– Навещала сестру. Знаешь, она впервые проявила ко мне

интерес, вернее, к моим рукам – потянулась к ним и замычала. Может, вспомнила что-то из детства, подобный материал всякий раз накладывали на наши многочисленные раны. Конечно, это ничего не значит, все решит только операция. Но я все равно разволновалась. Хочу как-нибудь привезти ее сюда, она так любила это место.

– Чего же сразу не привезла?

– Пощадила твои нервы, – усмехнулась девушка. – И вообще не хочу, чтобы ты ее видел такой. Лучше после операции вы с ней познакомитесь заново.

У стола уже застыл совсем юный официант в зеленом фартуке.

– Ну что, возьмем «Графские развалины» и кофе? – слегка натянуто улыбнулась Элла. – Или ты не обедал, хочешь чего-то более серьезного? Но тут только сладкое.

– Сперва сладкое, а потом поглядим, – решил Редкий.

Пирожное «Графские развалины» они ели на их первом свидании много лет назад, он и не подозревал, что Элла до сих пор помнит.

Официант записал заказ, уставился выжидающе. Элла вытянула вперед руку с бледно-розовым браслетом, а он прикоснулся к ней своим черным. Потом та же операция повторилась с серым браслетом Эдика.

– Что это было? – спросил Редкий, когда юноша испарился.

– На наших браслетах вся информация о нас, в том числе

что нам можно или нельзя из еды и питья. Привыкай.

– Понял. А вообще что это за место такое? – спросил Редкий. – И как, скажи на милость, оно может быть таким большим?

Элла пожала плечами, напряженная улыбка не сходила с ее губ, выдавая чувство неловкости и тревогу.

– Это Городок, место отдыха и релаксации для персонала Института и пациентов. Многие ведь здесь лежат по полгода и больше – это самые тяжелые случаи. А профессорам наверх подниматься недосуг, на родину иногда годами не вырываются. Вот для них и создали особый мирок с учетом всех национальностей и всевозможных потребностей. Мы сейчас на Английской аллее.

– Но этот мирок огромный!

– Да нет, не особо. Потом сможем все тут обойти. В гору не поднимешься – это иллюзия, рисунок на стене.

Эдуард заставил себя расслабиться, откинулся на спинку настоящего венского стула. Напротив их кафе находился паб под названием «Лисенок и яблоко». На вывеске ярко-рыжий юный лис с белой мордочкой и лапками гонялся за зеленым наливным яблоком. Из паба выходили несколько молодых ученых мужей в разноцветных халатах поверх футболок с джинсами, о чем-то шумно спорили, размахивали руками.

– А детей сюда не приглашают! – не выдержав, взорвался Эдик. Впрочем, приглушенно – не хотел привлекать к себе внимание.

– К-каких еще детей? – испугалась такой стремительной перемены Элла.

– Да тех самых, первенцев! Которые сидят в своих конурах, тихонько воют от тоски и ждут, когда погаснет свет и их придут кормить неведомые чудовища! Сейчас ведь тоже наверняка готовится партия – может, и не одна!

– Я не знаю, – понурилась девушка. – Возможно.

– Ага, или вот эта парочка высоколобых подзарядилась английским пивком перед тем, как уничтожить очередную партию бракованных детей! Да как вообще можно тут сидеть, зная все это, а, Элка?!

– Можно! – тихо рявкнула Котенок в ответ. – Как и в любом другом месте! И мы не знаем, что они обсуждают, может, лекарство, которое спасет миллионы жизней. Или как помочь моей сестре. Лучше ешь давай!

Она рывком пододвинула к нему блюдечко с пирожным.

– Что же нам делать, Эл? – берясь за ложечку, спросил Эдик упавшим голосом.

– Ты о чем сейчас?

– Ну, об «Апофетах». Мы столько лет потратили, чтобы узнать тайну этих детей. Теперь мы знаем. Что дальше?

– Меня спрашиваешь? – усмехнулась девушка.

– Нет, себя.

– Ну, если позволишь побыть твоим внутренним голосом... Вы можете выйти из игры и зажечь обычными жизнями. Или продолжить присматривать за ребятами, помогать

им.

– И нам это позволяют?

– Вам никто не станет запрещать. Или мешать. Это вполне вписывается в план экспериментаторов. А эксперименты сейчас пойдут один за другим. Мне звонил Гайдай узнать о самочувствии, между делом сказал, что уже с понедельника возобновляются уроки в недавно восстановленном корпусе. Первоначально в нем планировали разместить детский сад при школе для детей с четырех лет. Но все равно не успели набрать в этом году, так что пока туда переведут школьников. Начнется учеба, начнутся и новые опыты.

– Как долго они будут продолжаться?

Девушка зябко передернула плечами:

– Трудно сказать, но могу предположить. Детей во всех случаях собирали вместе примерно десять лет спустя после того, как выпускали в большой мир, иногда больше, иногда меньше. Думаю, ориентировались на возраст старшего из пятерки. Потому что есть предположение, что с возрастом в первенцах происходят перемены, их способности выходят на новый уровень.

– Каким же образом?

– Никто не знает. Так далеко наблюдение за детьми еще ни разу не заходило, просто не было подобных групп. И помощь им точно понадобится... но не такая, как ты сейчас думаешь.

– Что? – встрепенулся Редкий. – Ты научилась читать мои мысли?

– Не обижайся, но это не трудно. Ты меня почти не слушаешь, хмуришься и рвешь в хлам салфетку. Наверняка прикидываешь, как увезти ребят и где-то спрятать, но понимаешь, что у вас нет на это ни средств, ни возможностей.

– Бред какой-то, – прошипел Эдуард. – Дети в руках бесчеловечной организации, их будут подвергать опытам, опасности, они могут погибнуть – и ничего нельзя сделать!

Элла грустно кивнула:

– Да, это так. Но сделать можно – надо помогать им по мере сил. И защищать. Неизвестно, как поведет себя «Комитет» после двух смертей. Не исключено, что они уже вынесли ребятам приговор.

– Но разве Институт не может разобраться с ними? – выкрикнул Редкий, врезался грудью в стол и опрокинул кофейную чашку, уже пустую.

А он и не заметил, как заглотил содержимое.

– Я же объясняла: они не будут.

– Класс! Значит, придумывать для ребят всякую жуть – нормально. А защитить от фанатиков – вмешательство во естественный процесс! Чертовы извращенцы высоколобые!

Элла помалкивала, и это успокоило Эдика гораздо быстрее, чем любые слова.

– Ладно, мы их прикроем, как сможем. То есть я за себя сейчас говорю. Может, Тохе будет достаточно узнать тайну детей, а потом он потеряет интерес. Соня и Борис – не знаю. Ну а ты?

– А что я? – Элла опустила глаза и слегка побледнела, она давно ждала этого вопроса. – Если будет возможность, вернусь в школу, это важно для меня. Гайдай зовет, но многое зависит от Платона и других... из тех, кто знает мою тайну. Если не выйдет, тогда, надеюсь, Институт найдет для меня другое применение.

– А к нам вернешься?

– А это возможно, ты думаешь?

– Я не знаю. Собственно, почему нет? Ну, оказалась ты двойным агентом, с кем не бывает. Зато благодаря тебе мы хоть что-то сейчас знаем. И дальше сможем действовать не совсем вслепую.

– А Антон?

– Тоху беру на себя, – заявил Эдик, беря Эллу за руку, точнее за запястье, которое не было повреждено.

На бледном лице девушки вспыхнули неровные пятна румянца, она снова напряглась.

– Мне жаль, что так получилось, – еле слышно проговорила она. – Когда ты пришел в школу... только не подумай, что я смеялась над тобой. Знаешь, я приучила себя думать, что Инка где-то рядом и с ней все в порядке. Отправляясь на занятия, я в самом деле воображала, что я – это она. А вечером мы как будто встречались в моей квартире и обсуждали прошедший день, иногда даже спорили, ругались... Думаешь, я потихоньку сходила с ума?

Вместо ответа Редкий осторожно поцеловал ее теплое за-

пятье.

– Все хорошо, Эл. Все с тобой в порядке. И Инна однажды вернется ко всем нам. Ну что, пройдемся теперь по этому вашему Городку?



Глава 2

Похищение



В это самое время в квартире Эллы Котенок на крошечной кухне за круглым столом плечом к плечу разместились все пятеро. После взрыва и пожара в школе занятия все еще были отменены, пострадавшее здание рабочие спешно обносили лесами. Вытаскивали, раскладывали во дворе на просушку уцелевшую школьную мебель, учебные пособия, книги из библиотеки. Во избежание опасностей учащимся проход за ограду пока был настрого воспрещен.

– Я не понимаю, в чем проблема-то, – горячился Маго, который смахивал на взъерошенного после драки воробья. – Ну хотела Элла Леонидовна называть себя другим именем, ну и что? Может, ее сестра болеет и она работает вместо нее, чтобы стаж... и все такое. Есть же у нее сестра-близнец на самом деле?

– Есть, – подтвердила Злата. – В альбомах полно их фотографий вдвоем, правда старых. Вот только непонятно, куда эта сестра подевалась, да еще без документов.

– Умерла, – шепотом предположила Вика и прижала ладони к щекам.

– Может быть, не знаю. Элла никогда о ней особо не рассказывала, а я и не спрашивала. Думала, вдруг поссорились, или что-то другое... плохое. Платон, ты не узнал у Антона, когда виделся с ним, как все это вышло? Платон!

Воронцов, сидевший рядом со Златой, но вполоборота к окну, встрепенулся, словно его разбудили. Вика заметила, что лоб и виски у него блестят от испарины, встревоженно спросила:

– Ты не заболел?

Платон вяло помотал головой:

– Нет, я не заболел... и нет, не спрашивал. Не был уверен, нужно ли это делать. Это их дела, они дружат много лет, а мы им кто?

Последняя фраза прозвучала резковато, и четыре пары глаз тревожно уставились на парня.

– Т-ты думаешь... – Таня слегка запинаясь от волнения. – Думаешь, что Антон, Эдуард, Элла – они на самом деле нам не друзья? И не стоит рассчитывать на них?

– Вот этого я не говорил. В Эдуарде уверен, потому что однажды он коснулся меня – со всеми вытекающими. Я знаю, что эти люди действительно хотят нам помочь. Вопрос в том, возможно ли это вообще.

Последние слова прозвучали как-то слишком мрачно.

– Так, договаривай! – потребовала Злата.

– Из меня тебе признания не вытянуть, – хмыкнул Платон.

– Ой, ошибаешься. Мой взгляд на тебя, может, и не действует, но другие способы никто не отменял. Щекотку, например.

Она протянула к парню руки с растопыренными пальцами, и Воронцов очень правдоподобно изобразил на лице ужас.

– Ладно-ладно! Да вы и сами все понимаете, разве не так? Что мы знаем? Для каких-то целей с нами сотворили нечто, что сделало нас пятерых особенными. Или, как вариант, мы такими уже родились, и нас изучали. Держали в изоляции, потом попросту выкинули. Но присматривали за нами. И десять лет спустя снова собрали, затратив на это множество усилий.

– А может так быть, что мы с другой планеты? – спросил Маго, и заметно было, что эта идея ему по душе.

– Да что угодно может быть! А сейчас мы в центре како-

го-то неведомого эксперимента, и нет возможности узнать, в чем он состоит и для каких целей проводится. Несколько неравнодушных взрослых пытаются нам помочь. Но это едва ли возможно, слишком неравны силы. Их могут устранить или их используют в этих же экспериментах. Уже использовали, может быть. Теперь я жалею, что тогда обратился к Эдуарду. Лучше нам рассчитывать только на себя и друг на друга.

– Почему? – испуганно шепнула Таня Милич.

– Потому что любая привязанность делает нас уязвимее, а тем, кто с нами связан, грозит смертью.

Платон замолчал, тяжело переводя дыхание. Никто не произносил ни слова, сидели некоторое время погруженные в себя – каждый думал о своих близких. Потом Маго соскочил с табуретки и заметался по кухне, яростно жестикулируя в мысленном диалоге с самим собой.

– Но от них мы хоть что-то узнали, – все же решилась сказать Вика.

– Да. Но это слишком незначительные части головоломки, они нас еще больше запутали. Хотя куда там больше!

Злате надоело сидеть и переживать. Она поднялась, ловко отловила Маго и задвинула его в угол, после чего вскипятила чайник, заварила свой любимый чай с бергамотом. Заговорила, глядя на ребят через плечо:

– Возможно, незначительные. Но лучше хоть что-то, чем вообще блуждать в потемках. И еще, Платон, я считаю, что

у нас пятерых не должно быть секретов друг от друга. Иначе ерунда получается: взрослые от нас что-то скрывают, мы скрываем от младших... В общем, скажи всем то, что рассказал мне.

– А ну выкладывайте! – заволновался Маго, темные глаза-вишенки широко распахнулись.

Вика и Таня переглянулись и заранее крепко взялись под столом за руки.

– Я не уверен... – начал Платон.

Злата вперила в него требовательный взгляд своих разноцветных глаз, давая понять, что спорить тут не о чем.

– Ладно, – неохотно сдался Понедельник, тревожно поглядывая на троицу притихших в ожидании младших. – В общем, Антону удалось найти в интернете материалы про еще одну пятерку, похожую на нас. Дело было в Англии. Когда-то на рассвете вокруг городского пруда подобрали пятерых детей. Их отправили в разные учреждения, оттуда все ребята попали в приемные семьи. Десять лет спустя они оказались в одном городе и в одной школе. Похоже, у них тоже были особенности, они распознали друг друга и сдружились. А потом... погибли, – с усилием договорил он.

– Как?! – ахнула Милич.

– Один из учеников ворвался в школу с оружием, устроил бойню, стрелял не только в них – во всех, кто под руку подвернулся. Из пятерых сразу погибла только одна девушка, старшая. Четверо были ранены, попали в больницу. Их

ранения были не опасны, но они все... в общем, умерли, никто не пережил даже ночь. Из этого можно понять, что случайностью тут и не пахнет.

Снова затяжное молчание. Тихонько всхлипнула Вика, зажала рот и нос ладошкой. Маго подошел и со спины облапил обеих девочек.

– Но почему? – произнес он единственный вопрос, который был на языке у всех.

– Этого мы не знаем. Но наверняка причина была – может, и не одна. Возможно, постарались те, кто сделал их такими, потому что не оправдали ожидания, или вышли из-под контроля, или что-то еще. Как теперь узнаешь? Все, что мы можем, – это присматривать за собой и друг за другом, быть всегда настороже. Заметили нечто необычное, угрожающее – в себе ли, в другом, – сразу делитесь наблюдениями.

И Платон требовательно взгляделся по очереди в лицо каждого из друзей.

– Да, точно, и чтобы больше никаких тайн друг от друга! – горячо вскричал Угушев, забрался коленками на табурет, чтобы выглядеть повыше. – Мы должны... мы должны быть как одно целое, понимаете? Что знает один, то знают все! И чтобы во всем стоять друг за дружку, как братья и сестры. Пусть у нас будет такой девиз: «Братья и сестры не по крови – вместе до последней капли крови!»

Лицо его покраснелось, глаза влажно сверкали от воодушевления.

– Да, согласна, так отныне и будет! – сказала Злата.

Платон потянулся через стол, чтобы хлопнуть мальчишку по плечу, но не преминул заметить:

– Ты только к себе не забывай это правило относить, лады? А лучше всего спрашивай себя каждую пару часов: уж не замышляю ли я чего-то втайне от друзей?

Угушев слегка поскукнел, вздохнул, но головой покивал.

– Ну ладно, раз так, то расскажу: ночью мне что-то послышалось, – поколебавшись, сказала Злата. – Как будто в дверном замке ковырялись, но, когда я выскочила в прихожую, все уже стихло. Наверняка мне показалось, потому что я никогда прежде не ночевала одна. Но все равно делюсь.

Маго унесся проверять замок, а Платон глянул в сторону окна:

– Так, расходимся, пока темнеть не начало. Злата, собирай необходимые вещи, пойдешь со мной.

– Куда это? – удивилась девушка.

– Ко мне, естественно. Точнее сказать, к моим опекунам. Объясню им ситуацию, что твой опекун в больнице, они не будут возражать против того, чтобы ты пожила у нас.

– Ладно, – чуточку растерянно произнесла Злата и ушла в комнату.

– Я провожу Вику и Таню, – объявил, вновь возникая на кухне, Маго. – Замки в порядке; наверное, Златке все же почудилось. А какой вообще план действий?

Воронцов озабоченно потер ладонью лоб:

– В смысле?

– Ну, делать мы что-то должны или нет? Нельзя же просто отсиживаться. Предлагаю первым делом выследить ту сущность, которую так боится Танькин Абрек. Или вы мне не верите? – подбоченился и воинственно вскинул голову мальчик.

– Мы тебе верим, – заверил его Платон. – Особенно после того, как ты нашел кусок овчины. Я помню с детства ощущение курчавой шерсти, когда кто-то в темноте касался меня. И Эдуард говорил о подобном. Проблема в том, что мы не знаем, кто в данной ситуации на кого охотится: мы на него или оно на нас. И скорее, все же второе. Или не охотится, а присматривает. Не думаю, что мы его можем поймать. Будь другом, Маго, не лазай больше по кустам.

Угушев выглядел так, будто у него отобрали последнюю радость в жизни. Он спешно спрятался за холодильник, пока не попросили о чем-нибудь еще.

– Как твоя мама себя чувствует? – спросил Воронцов у Вики.

Девочка вяло пожала плечами:

– Сейчас лучше, и я снова могу выходить. Знаете, она о взрыве в школе узнала из своего смартфона. Вскочила с постели и бросилась в гостиную включать телевизор – она была не в курсе, что я осталась дома. По пути увидела меня, подбежала и обняла. Впервые за много лет.

– Как же хорошо! – обрадовалась Милич.

– Нет, я понимаю, она не за меня переживала. Но рада, что у нее снова появилась надежда, что ее дочь жива. А с дочерью будет все хорошо, если со мной все будет хорошо. Теперь она каждый день гоняет отца на почту, все ждет это проклятое письмо. Но я боюсь думать, что же произойдет, когда она снова потеряет надежду.

Ни у кого не нашлось слов, чтобы утешить девочку. Платон молча потрепал ее по плечу, а Таня обняла. Тут в дверях появилась Злата с небольшим рюкзачком за плечами.

– Ладно, расходимся, – скомандовал Понедельник. – До сумерек чтобы всем быть дома! Завтра созвонимся с утра; может, за ночь появятся еще какие-то идеи.

Маго тут же вскинул руку, но Воронцов выразительно повторил:

– Завтра.

Все вместе вышли под морозящий дождь в унылую сентябрьскую полутьму. Время было еще обеденное, но небо словно закрыла свинцовая заслонка без намека на просвет. В воздухе парила водная взвесь, оседала на лицах и одежде. От парадного ребята разошлись в разные стороны: Платон со Златой направились к пешеходке, Вика, Таня и Маго пошли в сторону гимназии – оттуда порывы ветра до сих пор приносили едкий запах гари.

– Ты побывала у матери? – спросил Платон у девушки, ища способ отвлечь ее от грустных мыслей.

Злата шла рядом, задумчивая и печальная. Ее необычно-

венно пышные волосы быстро отсырели, мокрой копной облепили воротник куртки. Девушка со вздохом помотала головой:

– Нет. Хотела сразу же, как начну учебу, просто дождаться не могла того дня... только сам знаешь, что из этого вышло.

Воронцов сочувственно кивнул.

– Крутой у меня получился первый день в гимназии, да? – невесело засмеялась она. – Огонь в прямом смысле слова. И новую форму пришлось стирать, так она дымом пропахла. Интересно, хоть в понедельник дубль два получше будет?

Парень только плечами пожал – до понедельника еще предстояло дожить. Они уже вышли на пешеходку, почти пустынную из-за мерзкой погоды. Дом Воронцова в паре десятков шагов просматривался неясно, словно через кисею.

– У тебя точно не будет проблем? – спохватилась Злата. – Ну, твои опекуны не подумают чего-нибудь такого...

– Например? – слегка удивился Платон.

– Эй, не тормози! Сам прекрасно знаешь, что взрослые могут придумать! Что ты подружку завел и хочешь ее под таким предлогом легализовать в своем доме.

Воронцов озадаченно потер лоб – такое ему явно в голову не приходило.

– Вряд ли, зная меня, они такое подумают. Но в крайнем случае расскажешь им свою историю. С купюрами, конечно. Кстати, вон мой опекун.

Он махнул рукой в сторону полноватого мужчины, кото-

рый с другой стороны поспешно приближался к дому.

– Пойдем скорее, – вырвалась вперед девушка. – Удобнее поговорить с ним еще на улице. Откажет – ничего страшного, вернусь в квартиру Эллы. Теперь я почти уверена, что ночной шум мне почудился.

Ребята пошли быстрее, но, когда до мужчины оставалось с десяток шагов, Злата вдруг застыла на месте, крутанулась на пятках, а потом и вовсе нырнула за спину своего спутника.

– Что случилось? – останавливаясь, спросил Платон.

– Тихо ты! И не двигайся! Может, он мимо пройдет, не заметит.

– Он и прошел. Уже за углом дома, можешь вылезать. Что случилось, Злат?

– А вот то и случилось, – угрюмо пробормотала девушка. – Это тот самый тип, который приставал ко мне в то утро. От которого меня отбил Маго.

Сперва проводили до самой квартиры Вику, потом, болтая, нога за ногу добрались до дома Милич. Маго травил байки из собственной школьной жизни – он уже понял, что Таня побаивается и всячески избегает тем, связанных с их способностями или появлением на свет. А уж после того, что рассказал Платон... Угушеву, само собой, очень хотелось поговорить о тех, других ребятах, он уже запланировал ночной штурм интернета в поисках сведений о них. Но он щадил нервы подруги.

– Я сейчас выведу Абрека, – сказала Таня, останавливаясь

возле парадного. – Ты домой или погуляешь с нами?

– Погуляю, ясное дело. Ты беги за песелем, а я тут вас подожду. – Маго уже сканировал взглядом заросли сирени, сильно поредевшие с наступлением ночных заморозков.

– Только не лезь никуда снова, Платон велел вести себя осторожно, – напомнила Милич. – Стой у скамейки и не сходи с места, договорились?

– Ага, – Угушев даже ногами потопал, давая понять, что тут и останется. – Но ты давай скорее. И бутер какой-нибудь захвати.

– Да знаю, захвачу.

Таня поднялась для скорости на лифте, у квартиры послушала – все было тихо. Абрек за последние дни вроде как смирился с участью домашних псов подолгу находиться в одиночестве, а кроме того, нашел себе развлечение, невозможное при хозяевах. Володя охарактеризовал это словами «делает перестановку». Теперь тому, кто возвращался домой первым, не всегда удавалось сразу попасть в квартиру.

Вот и в этот раз, толкнув дверь, девочка сумела приоткрыть ее лишь на щелку. Ей удалось разглядеть уголки кожаных подушек, которым вообще-то полагалось лежать на кухонном диванчике, но из которых сметливый пес соорудил себе лежбище у самого входа. Теперь он сидел в конце коридора и весело наблюдал, как хозяйка пробивается в квартиру.

Изрядно взмокнув, Таня все же проникла в коридор и тут

же взялась за уборку: вернула на диван подушки, разыскала аж в комнате брата унесенный от двери коврик. Одна подушка, точнее думка, вышитая мамой, никак не находилась. Таня облазила все углы, пока не заметила, что дверь на лоджию приоткрыта. Довольный Абрек следовал за ней по пятам, подрагивал от радостного возбуждения, иногда утробно потягивал, словно подсказывал, «горячо» или «холодно». И сердитое ворчание хозяйки его ничуть не огорчало.

Таня как раз выбивала подушку о собственное колено, когда Абрек вдруг вскинул лапы на перила, уткнулся носом в стекло, тревожно заскулил. Таня немедленно глянула вниз, на двор, – и обомлела.

Двое мужчин вели Маго к черной машине, припаркованной напротив подъезда. Самое странное, что рядом были люди – две соседки, но они не хватались за телефоны и не пытались защитить мальчика, просто наблюдали. Таня мигом распахнула створку лоджии, свесилась вниз и заорала:

– Эй, отпустите его немедленно! Это мой брат! Я вызываю полицию!

Все разом вскинули головы. Мужчины лишь мазнули по девочке равнодушными взглядами и продолжили путь. Маго застыл на мгновение, нашел ее взглядом, помотал энергично головой – вроде как давал понять, что все в порядке, – и исчез в машине.

Таня бросилась вниз, оставив квартиру нараспашку. Абрек немедленно ее обогнал и скоро уже заливался лаем на

первом этаже, лупил лапами по железной двери. Девочка, едва дыша, открыла ее, и оба вывалились на улицу. Но ни разглядеть толком машину в конце дорожки, ни заметить номер Таня не успела. Соседки мирно сидели рядышком на скамейке, подстелив под себя пакеты.

– Они увезли его! Чужие люди! – крикнула Милич. – Почему вы им не помешали?

Соседки ничуть не смутились, а та, что была моложе и бойчее, ответила:

– Не волнуйся, Танечка, твой друг сам с ними пошел. Но мы были начеку, спросили, что им нужно от мальчика. Эти люди очень вежливо ответили, что им срочно нужно доставить парнишку к отцу, вроде так.

– Они могли соврать!

Соседки взволнованно переглянулись.

– Но он не возражал, мальчонка-то, сам пошел с ними. Мы спросили документы на всякий случай. Они показали, оба. Вежливые такие мужчины.

– И что написано в документах?

Соседки синхронно пожали плечами. Видимо, сам факт предъявления документов их вполне успокоил, запоминанием фамилий они себя утруждать не стали.

Таня тяжело оперлась рукой об осклизлый тополиный ствол – у нее знакомо заболело в груди. Вдохнув глубоко пару раз, она справилась с собой и схватилась за телефон.

В районе шести вечера Эдик и Элла сидели в рыбной кафешке у искусственного пруда, ели запеченную форель, свежую, словно в этом пруду и выловленную, хотя, конечно, это было не так. Вся живность в подземном Городке была на счету, каждая рыбка имела имя и толпу поклонников. Ведь многие люди проводили здесь все свободное время, вот и прикипали сердцем ко всему живому.

День у обоих выдался тяжелый. Почти три часа несколько профессоров подвергали Редкого мучительным процедурам, что-то без конца замеряли в жуткой ране, о которой он вообще предпочитал не думать. Теперь он медленно приходил в себя, и рука Эллы в лечебной перчатке лежала у него на плече. Молодые люди обсуждали, на какой фильм сходить после кафе, – в Городке было целых два кинотеатра. В этот момент Эдику позвонил Кинебомба.

– Два мужика на машине увезли Маго в неизвестном направлении, – выложил он без всяких предисловий.

Редкий поперхнулся куском рыбы, почувствовал, как отливает кровь от лица.

– Когда?

– Около часа назад. Ребята попытались с ним связаться, не смогли и вызвонили меня.

– Слушай, я сейчас передам телефон Элле, – быстро про-

говорил Редкий.

Антон протестующе замычал что-то, но Эдуард не стал слушать, сунул трубку девушке. У Эллы на щеках вспыхнули красные пятна – она знала, что Кинебомба ее не простил, для него она теперь отрезанный ломоть, предательница. Тем не менее она внимательно выслушала, потом заговорила:

– Невозможно сказать наверняка, что это может значить. Возможно, один из экспериментов, хотя прежде я о подобных не слышала. Ну, проверить ребят, посмотреть, разбегутся ли они в испуге по своим квартиркам, или их спайка станет только крепче. Тогда опасаться нечего, но говорить им ничего нельзя – поведение ребят должно быть естественным. Хуже, если это «Комитет». – Тут Элла побелела и добавила торопливо: – Но если бы комитетчики хотели сделать зачистку, не стали бы похищать. Достаточно одного выстрела.

Кинебомба что-то спросил, и Элла глянула на Эдика, удивленно подняв бровь. Он понял, помотал головой: нет, он не сказал другу о невероятной связи между пятеркой. О том, что, если погибнет один, погибнут все. Не хотел о таких невероятных вещах говорить по телефону. Котенок уверяла его, что прослушки тут никакой нет, у Института слишком хорошо все схвачено, чтобы заниматься подобной ерундой. Но все равно...

– Антон, я прямо сегодня раздобуду для тебя пропуск в больничный парк на территории Института. Напишу подробную инструкцию, как добраться. Только завтра, сегодня

уже никак. И скажи мне: ты хочешь, чтобы на встречу пришел только Эд? Тогда я все обсужу с ним, а он – с тобой...

Помолчав и выслушав ответ, она продолжила:

– Хорошо, тогда мы придем вдвоем, если, конечно, у врачей не будет на кого-то из нас своих планов в это время. Пока постарайся успокоить ребят. Ну и сам держись.



Глава 3

Двойное потрясение



Маго на заднем сиденье черного внедорожника оказался плотно стиснут между двумя мужчинами, теми самыми, которые подошли к нему у дома Милич. Казалось, что под куртками у них – железные доспехи, так широки и тверды были их плечи. Еще один, худой, с волосенками мышино-го цвета, собранными в куцый хвостик, сразу повел машину быстро и уверенно, но точно не к дому мальчика.

– А вы вроде говорили, что повезете меня к отцу, – отпих-

нув от лица почти заткнувший ему рот и нос чужой локоть, подал голос Магомет. – Он не дома разве?

Никто не потрудился ему ответить.

– Что с ним случилось? – продолжал гнуть свое мальчик, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Он что, в больнице?

В общем, Маго был готов к чему-то подобному. Отец испарился из дома дня три назад и вестей о себе не подавал, даже не позвонил ни разу. Угушев по этому поводу не сильно переживал, только внимательно наблюдал за матерью – как она это воспринимает. В последние дни Танзиля часто плакала и пила пахучие травяные настойки, но, кажется, куда сильнее исчезновения мужа ее подкосил взрыв в гимназии и активное участие сына в спасательных действиях. О Маго даже написали в городской газете, назвали «юным героем» – только вот мама и бабуля совсем этому не радовались. Вчера мать снова грозилась, что заберет его на домашнее обучение и перестанет выпускать из дома. Но все понимали, что это не всерьез, – никакие силы не удержали бы Маго в квартире, особенно теперь, когда жизнь сделалась такой интересной.

Если что-то случилось с отцом – только бы не самое худшее, пожалуйста! – это, пожалуй, перенесет с Маго на него повышенное внимание женской половины семьи.

Маго повторил свой вопрос громко и четко, изловчился и заглянул по очереди в лица сидящих по бокам от него мужчин. Лица были на редкость невыразительные, словно смазанные. Тот, что слева, произнес, растягивая слова:

– Тебе, па-ацан, все расскажут на месте. А по-ока сиди смирно и не серди нас.

– На каком таком месте?

Вместо ответа тот повел плечом и впечатал мальчика в сиденье. Машина уже выехала за город и мчалась по трассе в направлении Питера. Маго припомнил, что в кармане у него наверняка завалялось несколько мелких камушков. Они помогли бы прояснить обстановку, а потом можно продолжить путь, если что.

– Мне позвонить нужно, – закинул он пробный шар. – Девчонке, которую я ждал, она не поймет, куда я делся. Звякнет моей матери, и тогда такое начнется...

Мужчины промолчали, словно не слышали. Но стоило руке Угушева начать продвижение к карману куртки, сидящий справа рывкнул, скаля необыкновенно белые и широкие зубы:

– А ну, руки на колени, и чтобы я их видел! Кулаки разжал!

«Неужели они в курсе?» – про себя удивился мальчик и решил до выяснения всех обстоятельств сидеть смирно, обдумывая ситуацию. Сделал испуганное лицо, хотя на самом деле его распирало от радостного возбуждения – наконец что-то происходит! Сегодня он узнает нечто нужное и важное для всей пятерки!

С трассы они скоро свернули, обогнули по касательной несколько деревушек и рощиц, а потом въехали в закры-

тый поселок, которых много выросло под Санкт-Петербургом. Но этот оказался особо охраняемый, с двойной системой пропуска и вдобавок обнесенный высоченным каменным забором, — не поселок, а крепость средневековая.

У одного из домов — тоже за забором, но металлическим, черно-белым, — наконец остановились. Мужчина справа грузно вывалился из чрева внедорожника, продолжая цепко держать Угушева за оба запястья. Снаружи мальчик первым делом глянул под ноги и вздохнул тоскливо: сколько камешков, а не схватишь, церберы бдят. Второй страж, не таясь, обыскал карманы Маго, вывернув их наизнанку. Ухмылялся при этом мерзопакостно. Телефон, впрочем, и учебную карту поднял и запихнул обратно. Старенький мобильник названивал всю дорогу, но теперь уже затих, разрядился.

Машина медленным ходом поползла куда-то в объезд бескрайнего забора, а мальчика его стражи подвели к воротам, широким, белым, с черным круглым вензелем на стыке. Маго успел разглядеть, что вензель сделан в виде змеи, которая свернулась кольцом, заглотив собственный хвост. На участок прошли через калитку мимо домика охраны.

Особняк, полускрытый могучими дубами и соснами, виделся от ворот лишь бело-красным силуэтом. Где-то в глубине бескрайнего участка постукивали глухо топоры, гортанными голосами перекликались невидимые рабочие. Дом в три этажа был опоясан верандой с витражным остеклени-

ем. Из распахнутого окна на втором этаже доносилась музыка – кто-то играл на рояле, при этом с такой силой молотил по клавишам, словно сигнализировал окружающим о своем скверном настроении.

Один из похитителей сразу отвел Маго на веранду. Там уютно горел камин, пожилая круглолицая женщина в переднике с крылышками накрывала переносной столик в паре метров от весело гудящего огня. Она посторонилась и проводила мальчика и его провожатого равнодушным взглядом.

За стеклянной раздвижной дверью находился кабинет, а может, библиотека – там было полно книг. Они теснились в шкафах под потолок, висели стопками на столе. Маго не сразу разглядел за одной из стопок человека, очень худого, узкого и прямого, как школьная указка. При появлении гостей он стянул очки, и ярко полыхнули его очень светлые, серебристые глаза, вытянутые к вискам, как у дикого кота, щедро обведенные тенью недосыпа. Он глянул так, будто в один миг сканировал Маго с ног до головы, отметил каждую деталь. Мальчик постарался ответить ему таким же изучающим взглядом.

Небрежным жестом среброглазый отпустил охранника, потом вышел из-за стола и протянул Угушеву руку с поразительно узкой ладонью. Маго машинально ее пожал – он не привык к такому вниманию со стороны взрослых. Ладонь оказалась на ощупь холодной и влажной.

– Присаживайся, Магомет. – Длинный тонкий палец ука-

зал на стул с высокой спинкой. – Давай познакомимся, меня зовут Павел. Без отчества – я почти все время живу не в России, отвык. А разговор у нас с тобой будет интересный.

– Насчет моего отца? – уточнил Маго.

– Разумеется. Однако ты уже наверняка сообразил, что речь пойдет не о господине Угушеве, твоём, так сказать, чисто номинальном отце. Ты ведь в курсе?

Мальчик коротко кивнул. И расслабился – значит, с отцом все в порядке. Он совсем не желал лишнего горя матери и бабушке.

– Мы поговорим о твоём настоящем отце.

– А он у меня разве есть? – усомнился Маго.

Человек одобрительно растянул бледно-розовые ниточки губ:

– Вижу, ты уже обдумывал этот вопрос, обсуждал со старшими товарищами. Ну да, в вашей замечательной компании для большинства тема родителей неактуальна. Тщательно отобранный и многократно обработанный генетический материал, пробирка да кювета – вот и вся их родня. Но есть исключения.

Он замолчал, внимательно изучая мальчика взглядом. Свет падал сбоку на его длинное лицо, и глаза сейчас казались линзами, ловящими фокус, чтобы разжечь огонь. Он явно ждал вопросов, и Маго спросил о том, что считал самым важным:

– Кто мы вообще такие?

– Кто вы? – во весь рот улыбнулся Павел. – Сверхлюди. Первый удачный опыт в бесконечной череде проб и ошибок. Те, кому суждено однажды преобразить этот мир. Не вам пятерым, конечно, – появятся и другие. Такие же талантливые, яркие, одаренные, как вы. Вам недолго оставаться одиночками в этом мире ничтожных людишек, трусливых середнячков. Да и сам мир с вашим появлением уже начал понемногу меняться.

Маго едва не сказал, что примерно так он и думал, но понял, что это будет выглядеть нескромно, и сдержанно кивнул.

– У вас впереди крайне интересный и непростой путь, – продолжал соловьем разливаться Павел. Едва заметный точечный румянец проступил на его впалых щеках. – Но речь пока не об этом. Если уж начистоту, я не должен сейчас разговаривать с тобой про сверхлюдей, но хочу верить, что все, что ты услышишь и увидишь в этом доме, останется между нами.

– Ладно, – легко согласился Магомет, которого разбирало любопытство. – Так кто там мой отец? Вы, что ли?

Среброглазый Павел вздрогнул, но взял себя в руки и с улыбкой покачал головой:

– Нет. Но я действую сейчас по его просьбе... мм... невысказанной просьбе, если точнее. И то, что он вообще заинтересовался тобой, поверь, дорогого стоит. Это может стать важным козырем в выживании вашей группы. Потому что,

на твоё счастье, ты даже не представляешь, как легко вы пятеро можете исчезнуть, прекратить существование, передать ваше первенство другим пятеркам...

– Вы это типа меня пугаете? – напрягся Угушев. Таких вещей он на дух не переносил.

– Ну что ты! Я прекрасно осведомлен, милый мальчик, что тебе неведом страх. Однажды ты поймешь, что я имел в виду, и оценишь мою подсказку. Я хочу немного помочь вам...

– Так помогайте уже, – зевнул Маго, которому надоел этот уклончивый разговор.

Павел блеснул серебром глаз, хмыкнул коротко и удивленно:

– А ты в самом деле крепкий орешек, как мне и говорили. Хорошо, тогда я сейчас кое-что тебе покажу. Только попрошу тебя встать за ширму, на стыке ее секций есть вполне удобные отверстия. И, уверен, ты ни словом, ни вскриком не выдашь своего удивления, ведь так?

– Не выдам, – оживился Маго. – А что такое ширма?

Павел указал пальцем на нечто трехстворчатое, и тоже с изображением книжных корешков. Ширма отгораживала один из углов кабинета, закрывая кушетку с подушкой и пледом, столик на колесиках. Угушев ступил за нее и тут же на стыке обтянутых гобеленовой материей створок отыскал отверстие, через которое был виден весь кабинет.

Павел прошелся туда и сюда, перекладывая голову с од-

ного плеча на другое – проверял, хорошо ли спрятан гость. Кивнул сам себе удовлетворенно и снял трубку стационарного телефона, в котором Маго поначалу и телефон-то не признал, такой причудливой формы было сие приспособление. Но Павел подождал немного, потом попросил негромко и ласково:

– Милая, зайди-ка ко мне на минутку!

Скоро послышался стук каблуков по паркету, будто кто-то неся вприпрыжку, а затем в кабинет вбежала девочка в домашнем клетчатом платье.

Маго порадовался, что после прозрачного намека Павла был готов к любому потрясению. Потому что примерно в метре от него стояла Виктория. Нет, не она, конечно, – белые волосы длиннее и забраны в два хвоста, длинная челка заправлена за ухо. Держалась девочка очень прямо, подбородок горделиво задирала и выпячивала нижнюю губу. Над губой слева виднелась приметная родинка, правильной формы и очень четкая. Но ошибки быть не могло – Вика Фомина и эта девочка были идентичными близнецами.

– Ну что еще, папуль? – протянула она чуточку капризно. – Гулять не пойду, даже не зови. Мне еще нужно урок закончить, а рояль совершенно расстроен, я не привыкла...

– Настройщик скоро придет, не переживай, родная. А сейчас будем обедать. Вдвоем, на веранде. Составишь компанию своему любимому папуле?

– Ну ла-адно, – протянула девочка без особого удоволь-

ствия в голосе. — Только когда придет эта вредная музычка, вели ей меня сегодня не доставать!

— Не волнуйся, милая, папуля обо всем позаботится, — прокурлыкал Павел, лучась нежностью. — А пока, Викуша, помоги Ирине Сергеевне накрыть на стол. Или пройдишь немного по саду перед едой, нечего инструмент долбать, дай отдохнуть себе и другим. Заболела твоя музыкантша, не придет.

— Супер! — возликовала и даже хлопнула в ладоши девочка. — Ну ладно, тогда я погуляю за домом. От этого стука в саду у меня голова пухнет!

И она танцующей походкой прошествовала через кабинет к стеклянной двери на террасу.

— Плащик накинь, — заботливо сказал ей в спину Павел.

Но та даже не обернулась. Только потеряв девочку из виду, Маго отступил от ширмы, потер лоб — на нем остался след от планки, с такой силой он в нее вжимался. Хорошо, хоть конструкция устояла. Да уж, хозяину дома удалось его поразить!

Павел тем временем уже запер на щеколду дверь на веранду и выжидающе поблескивал глазами на мальчика — ждал вопросов. И Маго спросил:

— Она по правде ваша дочь?

— Разумеется, только по документам, — прозвучал без промедления ответ. — Я, в общем, и не планировал никогда обзаводиться семейством, но случилась небольшая накладка...

Кто мог ожидать, что какой-то зубодер в зачуханной клинике заметит сходство бесхозного найденыша со своей обожанной дочуркой? Пришлось исправлять дело. Но я, впрочем, ни о чем не сожалею. Привык к ней. Да и она считает меня родным папочкой.

– А как же Фомины?

– А что Фомины? Забавно наблюдать, как они растят родную дочь, а думают, что делят квартиру с жутким монстром. И все ради того, чтобы однажды вернуть это сокровище, куда менее одаренное и прилежное, чем ее сестра. Разве что рисование ей удастся.

– Но она... – Маго не договорил, мотнул сердито головой, откидывая с глаз челку.

Он вдруг понял, что боится – он, и боится, вот это да! – услышать ответ на недосказанный вопрос. Маго собирался спросить, вернется ли девчонка когда-нибудь к родителям. Но подумал: а вдруг для этого должна исчезнуть другая, настоящая Вика, его друг, почти сестра?

– Ладно, с ней я понял, а что насчет меня? – на лету изменил он вопрос.

Павел глянул на него вроде даже с уважением, поманил пальцем к себе, а потом сделал приглашающий жест в сторону своего стола. Угушев удобно устроился в офисном кресле, и перед глазами у него оказался дремлющий монитор. Хозяин одобрительно улыбнулся – разбуди, мол. Маго тронул мышку и впился взглядом в экран.

Там, на берегу залива или озера, позировал перед камерой... он сам. Нет, не он, конечно. Магомет не носил кудри до плеч, да и дальше Питера никогда не бывал в сознательном возрасте. На его двойнике были только шорты и майка, но сразу стало понятно, что у пацана есть все, о чем только можно мечтать. Держался он надменно, и Маго слегка скривился. Потом оценил обстановку: позировал пацан на фоне красно-белой яхты с непонятным словом на борту. На противоположном берегу за золотой линией пляжа и лазоревой – залива был виден город, незнакомый, бескрайний и прекрасный.

– Ну как? – вкрадчиво поинтересовался Павел

– Надутый какой-то, – поморщился мальчик. – Зато видно, что не фотомонтаж. Скинете мне?

Хозяин, улыбаясь от уха до уха, отрицательно мотнул головой.

– У меня, что же, и мать есть? – отрываясь от экрана, спросил Маго. – Биологическая, – добавил торопливо, испугавшись предать таким вопросом свою маму Танзилю.

Павел не то усмехнулся, не то фыркнул. Потом взгляд его задержался на мальчике, который даже после двойного потрясения удивительно владел собой, и какое-то чувство, смахивающее на сострадание, стерло улыбку с его узких губ.

– Парень, ты особо роток-то не разевай. В каком-то смысле она есть, но тебя не рожала, и не факт, что заинтересовалась бы тобой, таким смелым и симпатичным. Отец знает о

твоем существовании уже лет десять, и то любопытства не проявлял, пока не увидел случайно на днях в интернете твою геройскую физиономию.

– А, это та статейка в газете, – помрачнел Угушев.

Уже наутро после взрыва в гимназии в местной городской газете появилась статья на разворот с фотографией закованного Маго, выводящего за руку из школьных дверей кого-то из училок младших классов. Понятно, что на маму и абику статья произвела сильное впечатление, – а он-то уже почти убедил их, что всего лишь стоял и смотрел на пожар. Интересно, что испытал его генетический отец, прочитав статью? Испугался? Сравнил Маго с этим пацаном на снимке? Если да, то в чью пользу?

– Сейчас тебя отвезут домой, – вывел его из задумчивости голос Павла. – Но сперва послушай меня очень внимательно. Лишь два слова: береги себя. Твой отец очень хочет, чтобы ты остался жив. А это, поверь мне, не такое простое дело, как тебе может показаться. Ты меня понимаешь?

И замолчал, впился своими серебристыми глазами в лицо мальчика. Губы-нитки при этом не забывал растягивать до ушей.

Угушев обдумал его слова, кивнул.

– И еще: думаю, будет лучше, если наша беседа и все, что ты видел в этом доме, останется между нами, – добавил мужчина.

На это Маго решительно помотал головой:

– Не, не обещаю. Мы с ребятами решили, что ничего не будем скрывать друг от друга, иначе какая мы команда, какие друзья?

Хозяин кабинета равнодушно подергал плечами:

– Да я и не настаиваю. Просто о тебе же забочусь, дружок. Сам подумай, станет ли жизнь твоей подруги Фоминой от такого известия проще и приятней? А другие ребята? Не начнут ли они если не завидовать, то, скажем, несколько раздражаться на тебя? Пока что вы все в одной лодке, все без роду и племени. А когда узнают, что у тебя есть покровитель, да еще и связанный с тобой общими генами?

Магомет смутился, но постарался не показать виду. Только спросил:

– А зачем тогда вы это устроили, притащили меня сюда? Ради двух слов «береги себя»? Так я их дома каждый день по сто раз слышу!

Павел, кажется, уже слегка утомился от общения с ним. Громко вздохнул, закатил глаза:

– Повторяю еще разок, милый мальчик: твой в каком-то смысле отец заинтересован в твоём выживании. Самую малость заинтересован, но даже это может иметь решающее значение. Поскольку ты, скажем прямо, в вашей компании – слабое звено, спец по влипанию в опасные ситуации. Дам тебе подсказку: будь осторожен хотя бы ради друзей. Не уцелеешь ты, и у них не останется шанса.

– В смысле? – принял боевую стойку Маго. – Их прикон-

чат, что ли? Как... – И прикусил язык – не стоило приплетать в разговор тех ребят из Англии.

Павел зафыркал, как кот, беспардонно скинутый с покрытия:

– Все сложнее и фатальнее, мой юный друг. Но на сегодня хватит откровений. Просто помни, что ты должен думать не только о своей безопасности, которой злостно пренебрегаешь, но и о жизни своих друзей. Договорились?

– Ладно уж, – вздохнул Маго, так и этак прокручивая в голове странные слова нового знакомого.

* * *

Хотя Эдуард и Элла уже знали, что Маго Угушев благополучно вернулся домой, встречу с Антоном откладывать не стали. Редкий всей душой желал, чтобы его друг узнал правду об Институте и проекте «Первенцы», – уж он точно заслужил это право.

Ночью спалось плохо. Раз за разом Эдик проваливался в один и тот же сон с вариациями: он пытается выйти из здания Института, но люди без лиц заступают дорогу, отрезают его от Эллы, скручивают, куда-то волокут. Эллка остается снаружи, ее медленно окружают какие-то существа, человекообразные, но маленькие и на четырех конечностях. Они источают жуткий запах смерти... Он яростно отбивается... и выпадает из сна с заходящимся сердцем и мокрый от пота.

Только под утро Редкий задремал без сновидений и с трудом сполз с кровати за пять минут до завтрака. Первый прием пищи тут считался обязательным, отправляться сразу в Городок было нежелательно, за это медсестры вежливо журили пациентов. Пришлось наскоро закидывать в себя очень даже вкусную больничную еду. Затем на Английской улице, напротив паба «Лисенок и яблоко», он встретился с Эллой, непривычно бледной и тихой.

– Да ладно, чего ты. – Редкий приобнял ее, сгорбившуюся на стуле. – Не станет Тоха на тебя наезжать. Да я и не позволю ему.

– Ладно, пошли. – Девушка решительно поднялась на ноги.

– Веди!

По исхоженным петляющим улочкам Городка они прошли до пруда, за ним находился зеленый купол, словно растущий на газоне за компанию с розовыми кустами. Редкий уже видел его и считал чем-то вроде альпийской горки, но теперь, обойдя с тыла, обнаружил резво бегущую вниз лестницу и встал на нее следом за Эллой.

После недолгого спуска они оказались в круглом зале, откуда два эскалатора теперь вели наверх. На одном ехала укутанная в переливчатые меха дама в коляске, ее сопровождал санитар. Поднялись следом за ними и попали в вестибюль, там улыбчивый парень, не задав ни единого вопроса, выдал им уличную одежду.

– Не мое! – запротестовал Эдик, получив куртку и новые, в коробке, ботинки. Шарф и перчатки и вовсе были упакованы в целлофан.

– Надевай! – велела Котенок. – Твоя одежда сгорела, если помнишь. Институт подобрал все твоего размера.

– Какая щедрость!

– Здесь это обычная практика, не заморачивайся. Мне тоже выдали.

Пришлось принять неожиданный подарок – Антон наверняка уже ждал их.

– Откуда они все знают? – не удержавшись, спросил Редкий. – Ну, этот тип в гардеробе ни фамилии не спросил, ни разрешения на прогулку.

– Да по браслетам же, я тебе говорила!

Эдик промолчал и напрягся еще больше.

* * *

Как же здорово было оказаться под настоящим небом, пусть по-осеннему хмурым и набрякшим. Вокруг павильона, через который выходили на поверхность, расстился ухоженный парк с желтыми дорожками, цветочными клумбами, открытыми и закрытыми беседками. Кусты и деревья все еще упрямо зеленели, и увядание почти не коснулось их. Элла пояснила, что парк хорошо защищен высокими стенами, в холодные дни тут горят согревающие фонари. Еще добави-

ла, что больные прозвали это место «Зал ожидания».

Но им ждать не пришлось – навстречу уже шагал Антон в сопровождении рослого охранника. Он так активно озирался, что парню приходилось поддерживать посетителя под руку. Охранник, сверившись с табло своего браслета, отошел на десяток шагов от Эллы и Эдика.

– Что это за место такое? – спросил Кинебомба с ходу. – Всегда считал, что тут армейские склады, что-то в этом роде, а тут целый город!

– Пойдемте сядем в беседке, – тихо предложила Элла.

Антон метнул на нее неприязненный взгляд, Эдуард на друга – взгляд предупреждающий.

В открытой, но теплой беседке устроились на уютных скамейках, обитых кожей. Первой слово взяла Элла – она рассказала Антону все то, что еще прежде слышал от нее Эдик, разве что в сокращенном варианте. Речь ее текла плавно и продуманно – готовилась к разговору, наверное тоже не спала ночью. Кинебомба сперва холодно взирал на девушку, но потом подался вперед и впитывал каждое ее слово. Взгляд же не сводил со здания Института за стволами деревьев. Унылый прямоугольник, пять наземных этажей, ничего особенного, – если не считать, сколько всего замечательного скрыто под землей.

Девушка замолчала, и Антон спросил непривычным для него растерянным голосом:

– Значит, все пятеро ребяташек появились на свет здесь?

И отсюда их вышвырнули в парк?

– Да. – Голос Эллы звучал виновато.

Кинебомба вдруг проявил невиданную для него деликатность: потрепал девушку по плечу с самым дружеским оскалом, на какой вообще был способен.

– Брось, Элка, тебя никто не винит. Почти любой на твоём месте поступил бы так же. Значит, Инна сейчас там?

– Угу.

– И что же... есть надежда?

– Да, – твердо ответила Элла, вскинула голову. – Если бы я в это не верила, то никогда бы...

– Ладно, проехали. – Антон сглотнул и пересел таким образом, чтобы не видеть здание, от которого иначе не мог оторвать взгляд. – Вы уверены, что нас сейчас не прослушивают?

– Нет, – честно ответил Эдуард и протянул вперед руку с браслетом.

Элла пожала плечами и тут же добавила:

– Мне кажется, это не имеет значения. Мы никто для Института, вписаны в графу «добровольные помощники», и в наши дела они вмешиваться не станут. Помешать им мы никак не можем, силенки не те. Так что обсуждаем все спокойно. Что там с Маго?

Антон недобро хмыкнул:

– Да порядок. Говорит, что его таким образом захотел повидать приемный отец. Вроде как он решил расплеваться

с надоевшим семейством и передал через парня последнее прости. Только пацан врет!

– Уверен?

– На все сто! Безработный мигрант послал за пасынком двух деловых парней на шикарной тачке передать, чтобы не ждали к ужину? Но Угушев стоит на этой версии твердо. Вот не знаю, рассказал ли он правду друзьям или вешает им на уши ту же лапшицу.

В голосе Кинебомбы зазвучала откровенная злость, и Эдик глянул на него удивленно.

– Если молчит, значит, так нужно, верно? Маго – парень смысленный, и, хотя ему неведом страх, оценить опасность он в состоянии. А ты сам что думаешь?

– Пока пацан не вернулся, я думал, что нужно все же разобраться с этим «Комитетом». И сейчас тоже думаю, что это могли быть они. Обрывок визитки у тебя с собой?

Редкий насторожился. Он сам не знал почему, но затея с возможным выходом Антона на «Комитет» его тревожила. Хотя нет, он понимал, конечно: у этой организации наверняка есть четкая аргументация, почему они поступают так, как поступают. Покойный Гриша совсем не выглядел фанатиком, он четко знал, почему пятерке первенцев нельзя позволить жить. А Антон никогда не был особо привязан к детям...

Был соблазн сказать, что половинка визитки осталась в куртке, обгоревшей и брошенной на школьном дворе. Но

мгновением позже он устыдился своих мыслей, вынул из нагрудного кармана рубахи затасканный обрывок и протянул другу.

Кинебомба коротко кивнул, пряча его в карман, заодно вытянул оттуда миниатюрный блокнотик с такой же маленькой ручкой, закрепленной на корешке, что-то написал и передал Эдику.

Злата узнала в опекуне Воронцова мужчину, который схватил ее на улице и хотел куда-то увести.

Редкий прочитал, показал Элле. Та лишь коротко вздохнула, давая понять, что не сомневалась в чем-то подобном. Кто-то же должен был доставить детдомовского Платона в город и определить в нужную гимназию.

– Ладно. – Антон рывком вскочил на ноги. – Пойду я. Пора наконец заняться этим «Комитетом».

– Да как займешься-то? – удивился Эдик. – Я уже думал об этом, но зацепок никаких.

– Ты думал, а я буду что-то делать, – хмыкнул Кинебомба. – Да хоть просто по улицам бродить с визиткой наперевес, но я их найду.

– Ладно, – после паузы сказал Эдик подсевшим голосом. Он тоже встал, Элла за ним. Антон вроде как спохватился:

– Да, ребята спрашивают, можно ли вас навестить. Говорят, что скучают. Стоит им сюда соваться или нет?

Редкий глянул на Эллу, она развела руками:

– Опасности в этом нет. Но лучше скажи им, что пока не

стоит. У них и так хватает проблем.

– Ладно. Ну а ты тоже давай осторожнее, – сказал Антон Эдику.

– В смысле? – удивился Редкий. – Все самое плохое со мной уже случилось. – И постучал пальцем по повязке.

– Ну это ведь не помешает... – Антон через плечо бросил хищный взгляд на здание. – Я имею в виду, ты ведь не упустишь возможность?..

– Тоха, я уже говорила тебе и ему, что из этого ничего не выйдет! – заволновалась Элла. – Тут не идиоты работают!

– А, ну-ну, понял.

Кивнул и зашагал к выходу из парка. Редкий уныло смотрел ему вслед.

– Пройдемся, – тихим голосом попросила девушка. – Тут очень красиво.

– Давай.

Эдик прикинул, что хорошо бы оглядеть здание со всех сторон, что там и как. Прав Антон: нечего зря штаны тут просиживать, нужно хоть что-то разузнать. Вдруг он сообразил, о чем Элла умолчала в своем рассказе про Институт, – не сказала об удивительной и страшной связи между ребятами: если не станет одного, не станет всех. Забыла или специально? Спрашивать не хотелось, зелень парка под низким мрачным небом навевала легкую грусть, желание молчать, брести куда-то без всякой цели и держать за руку кого-то близкого.



Глава 4

Грозная сила



– Первый месяц учебного года испытывал нас на прочность, это вы знаете не хуже меня. – Так начал свое выступление перед учениками гимназии «Белая радуга» директор Гайдай через четыре дня после взрыва в главном корпусе.

В новом, еще не освоенном здании остро пахло ремонтом, за дверями актового зала в спешке громыхала ведрами и шестелела швабрами целая армия нанятых уборщиков. В самом зале еще не было стульев, но на сцену, где стоял Иван Сидо-

рович, уже перенесли уцелевший в пожаре и потому сильно отдающий гарью зеленый стол.

– Да, в сентябре нам пришлось пережить пару неприятных событий. Мы потеряли наше привычное здание, которое несколько месяцев будет находиться на ремонте. Одна из наших учительниц проходит лечение, и тот отважный мужчина, который вынес ее из огня, тоже в больнице. Другие наши герои, по счастью, не пострадали.

Тут Ивсид отыскал взглядом стоящего в первом ряду Магомета – мальчик ответил невозмутимой ухмылкой.

– Но, мне хочется верить, наши уроки не прекращались ни на день – жизненные уроки, я имею в виду. А с сегодняшнего дня продолжатся и школьные. Поздравляю вас с этим и предлагаю разойтись по классам. Прошу терпеливо переносить возможные трудности: этот корпус мы планировали ввести в эксплуатацию только через год, но вышло так, как вышло.

Гайдай энергичным шагом покинул сцену, и классные руководители начали выкликать свои классы, чтобы сориентировать их в новой обстановке.

Пятеро ребят немного задержались, обсуждая планы на остаток дня после школы. Потом все вместе поспешили к лестнице – на этом этаже учились только начальные классы. С лестничной площадки четверо направились наверх, и только Тане нужно было спуститься на этаж ниже.

Паша Майский поджидал ее на середине лестничного

пролета, опасно навалившись спиной на перила, и вид имел мрачный до невозможности.

– Ты чего тут? – Милич не особо удивилась, поскольку одноклассник с удивительным постоянством оказывался у нее на пути.

– Идем скорее, тебя весь класс ждет! – рывкнул парень.

– Тебя тоже, вообще-то.

– Ага. А до меня тут торчала Дашка с двумя закадычными подружницами, и вид у нее был очень решительный. Ушла, только когда поняла, что я с места не сдвинусь.

– Вряд ли она меня караулила, – усомнилась Таня, вспомнив не одобренную ею, но весьма эффективную акцию Маго по усмирению Морозовой.

– Не знаю, может, она ждала того умника из одиннадцатого, по которому у нас уже треть девчонок сохнет, хоть он и хромоножка.

– Не называй его так! – вспыхнула Милич.

– Ага, понял. И чья тут магия сработала, кто на кого запал: он на тебя или ты на него? Или это взаимно?

У Тани появился сильный соблазн огреть одноклассника по шее рюкзаком, но в этот момент Паша уставил на нее такой потерянный взгляд, что девочка разом смягчилась. Проговорила спокойно:

– Он просто мой друг. Ты же замечал, наверное: мы всегда впятером.

– Странная, однако, у вас компания.

– У меня замечательная компания, – отрезала Милич и не смогла сдержать счастливую улыбку.

* * *

Антон долго смотрел на серый с темными потеками бетонный забор, единственными украшениями которого была древняя полустертая надпись «Не курить!» и пара безобразных граффити. Это место, хоть и в черте города, было слишком уединенным, чтобы сюда наведались более профессиональные художники. Из-за забора виднелись только постепенно жухнувшие кроны деревьев. А вот здание Института, даже его крышу, ни с какой точки было не разглядеть.

Пыльная круглая площадь на самой границе с заповедной рощей, остановка автобуса – скамейка да расписание на столбе. Все это служило надежной ширмой для того, что скрывалось за забором. Стороннему наблюдателю трудно было бы понять, что творится в голове молодого, чрезвычайно художного, почти истощенного, мужчины, с непонятной сосредоточенностью взирающего на этот самый забор.

Наконец Антон оторвал себя от молчаливого созерцания, разжал крепко стиснутые кулаки и кинулся наперерез уже отъехавшему от остановки пустому автобусу.

Добравшись до города, Кинебомба первым делом направился к гимназии «Белая радуга». Ворота на территорию стояли широко распахнутыми, обгоревший корпус был обложен

лесами.

Среди суетящихся рабочих по двору бродили двое в темных плащах, с блокнотами в руках, совали носы в каждую щель. Дознаватели или журналисты – кто их разберет. От знакомцев в полиции Антон знал, что там все еще тщательно исследуют записи с мониторов, однако никак не могут установить, кто пронес в школу взрывное устройство. Все указывало на то, что это мог сделать только кто-то из своих, работающих в гимназии.

Кинебомба быстрым шагом обогнул по дуге пострадавшее здание, пересек спортивную площадку и приблизился к другому корпусу, который строился по подобию сгоревшего, но был лишен башенок, дымоходов и прочих пристроек, которыми изобилует первый, а вместе с ними – и духа благой старины. Антон ступил на школьный порог.

Здесь уже были установлены пропускные устройства. В углу, отгородившись столом, два охранника резались на коленках в карты, но стоило появиться чужаку, как оба приняли суровый и бдительный вид. Один был накачанный и насупленный парень с неожиданными ямочками на пухлых щеках, другой выглядел лет на десять старше, щуплый, узколицый, беспокойный. По всему чувствовалось, что молодой – охранник опытный, а старший ему подражает – возможно, находится на испытательном сроке. Вот и сейчас он старательно хмурил брови и пытался – безрезультатно – придать взгляду стальной блеск.

– Куда, гражданин? – спросил молодой, не вставая, но подаваясь мощным корпусом вперед.

– Да я... то есть... у меня малой тут учиться, – заблеял хлипким голосом Кинебомба.

– Ну и?..

– Хотел ему отдать... у него штука одна из ранца выпала, вдруг что-то важное.

– Через пятнадцать минут перемена, – чеканя каждое слово, информировал его охранник. – Скажите имя вашего сына, и в конце урока его по громкой связи попросят спуститься к раздевалкам. Все посещения гимназии посторонними строго-настрого запрещены, только с разрешения директора. Вы, родители, сами этого требовали.

– Да я в курсе, – скучным голосом тянул свою партию Кинебомба. – Вот эта штука, как думаете, что-то нужное?

Он достал обрывок визитки, перевесился через турникет и буквально всунул ее в руку охраннику. Тот инстинктивно отшвырнул кусок картона, и он упал в центре стола. На лице парня было написано огромное желание вытолкать Антона вназад, но он помнил строгий инструктаж от самого директора, поэтому приложил все усилия, чтобы говорить вежливо:

– Слушайте, вы бы лучше спросили своего ребенка, откуда у него эта... визитка, что ли. – Охранник поддел картонку ногтем, перевернул. – К школе это точно не имеет отношения. Так вызвать его?

– Не надо, – замахал руками Антон. – Он скромняга у меня, застесняется, если по громкой связи. Вечером спрошу.

Кинебомба сгреб обрывок в кулак и вышел из школы. Прошелся туда и сюда по зеленым и желтым плитам, которыми был выложен двор, при этом разглядывал здание со всех сторон так, будто собирался брать его приступом.

Прошло – он специально засек – семь минут до того, как старший из охранников возник у него за спиной, тронул за плечо.

– Что? – развернулся к нему Кинебомба, выдвинул челюсть и прищурился.

– Родитель, уважаемый, вообще-то двор гимназии тоже закрытая территория, – высоким дискантом проговорил тот, выжимая улыбку.

– Да неужели? Не заметил...

– Так это потому, что ремонт идет, рабочие весь день туда-сюда шлендрают... Но все же, если нет у вас больше дел...

Антон набрал полную грудь воздуха, собираясь хорошенько покачать права, но тут обнаружил, что охранник словно ненароком подхватил его под локоть и увлекает за угол гимназии. А едва зашли туда, как узколицый, сильно волнуясь, протянул вперед руку с открытой ладонью и прошептал:

– Обрывок визитки мне дайте. И продиктуйте ваш номер телефона. После проверки, ну, если края совпадут, с вами сегодня же свяжутся.

Кинебомба молча отдал ему просимое, а заодно и собственную визитку приложил. Коротко кивнул и пошел прочь со двора. Впервые за долгое время он не смог сдержать довольную улыбку: все же не растерял до конца прежнюю выучку.

На перемене все пятеро собрались в ответвлении коридора перед мастерскими – здесь было безлюдно, стояла у стены старая длинная скамейка, и окошко выходило во внутренний дворик. Злата прибежала последней: обсуждала с классной, как будет догонять школьную программу.

– Ну что, Злат, готова выполнить свой план? – спросил ее Платон.

Девушка заморгала растерянно:

– Какой именно?

– Ну, ты сегодня в гимназической форме...

Злата, слегка заалев скулами, бережно разгладила юбку в крупную складку, провела ладонью по логотипу гимназии на отвороте пиджака.

– Повидать маму, да? Я все время думаю об этом и ужасно волнуюсь. Но разве мы не собирались после уроков навестить Эллу и Эдуарда?

– Не получится, – сказал Воронцов. – Я только что звонил. В больнице, куда их перевели, строгий пропускной режим, нужно записываться заранее. Так что это отложим пока. А сегодня дождя нет, поэтому предлагаю не откладывать поход, только сменить направление.

Девушка, тяжело дыша от волнения, согласно кивнула.

– Мы ведь с вами? – тут же уточнил Угушев. – Я еще не бывал в той части города, где цыгане живут.

– Это не город, а соседний поселок, – ответил Платон. – Идут все желающие, но, конечно, не будем мешать Злате во время ее встречи с мамой. Просто побродим по окрестностям.

– Я не могу, простите, – понурилась Вика. – Отец звонил, просил поскорее вернуться домой. Я отпрошусь с физры.

Злата тут же опустилась на скамью рядом с Фоминой, обняла ее за плечи.

– Твоей маме опять стало хуже?

Девочка медленно покачала головой, прерывисто вздохнула.

– Пока не знаю. Дело в том, что сегодня отец был на почте и получил ту злополучную бандероль, помните, я говорила. Ее просто потеряли, теперь вот нашли. Родители ужасно рады, но папа боится, что это тоже может... плохо повлиять.

Маго беспокойно завожился на подоконнике, Платон не удержался – провел рукой по белым шелковистым волосам Вики.

– Хорошо, что все же нашлась бандеролька. Радость легче пережить, чем горе, все с твоей мамой будет хорошо. А мы тебе все потом расскажем.

– Скинешь фотку со своей мамой? – попросила Вика Злату. – Очень хочется поглядеть, какая она.

– Обязательно, – закивала радостно Злата. – Мама очень красивая, хотя и мало похожа... на обычных мам.

Прозвеневший звонок разогнал их по этажам и классам.

После уроков встретились уже вчетвером. А пока ждали Маго – у него было меньше уроков, и он бегал домой, – возле Тани неотступно торчал Паша. Он, как дичок, оглядывал всех исподлобья, подолгу задерживал взгляд на Платоне и все пытался за рукав оттянуть девочку в сторону. Но Милич стояла на месте твердо и старалась не выдавать раздражения от постоянного зудения в ухо.

Примчался Маго, дожевывая на ходу пирожок с повидлом. Теперь можно было идти.

– А если я с вами? – спросил у Тани Майский.

Она густо покраснела, потому что предвидела это затруднение.

– Прости, но, понимаешь, в общем, это семейное дело одной из нас, будет неудобно.

Паша бросил на нее короткий и неопределенный взгляд, подхватил куртку и ринулся прочь из школьного вестибюля.

– Предлагаю по случаю хорошей погоды до поселка дойти пешком, а назад можно будет вернуться на автобусе, – сказал Воронцов на пороге школы. – Хотя как скажет Злата: если волнуешься и хочешь побыстрее...

Девушка помотала головой, ее волосы в солнечных лучах казались расплавленным золотом.

– Нет, лучше пешком, через парк, как я всегда ходила.

Только если тебе не будет трудно.

– Нога меня не беспокоит, разве что сдерживает, – мягко ответил Платон.

Они свернули в сторону парка. Шли по парковым дорожкам, болтали, пытались отвлечь Злату, которая волновалась все сильнее. И через полчаса, перейдя железную дорогу, они вошли в поселок. Потянулись пыльные улицы с деревянными домами, где за каждым забором цепные псы встречали чужаков неистовым лаем. Теперь Злата шла впереди, напряженная, с прижатыми к телу руками. Ребята притихли, чтобы дать ей настроиться.

Дома становились больше и новее, некоторые удивляли аляповатым видом. В заросшем сиреневыми кустами проулке Злата остановилась, показала рукой:

– Вон наш дом, за забором. Только я не могу туда войти.

– Так сильно волнуешься? – посочувствовал Маго.

– Не в этом дело. Раз я отсюда сбежала, мне нет пути назад. Таков уж закон у цыган. Нужно как-то вызвать сюда маму, только чтобы никто этого не заметил... в смысле, отец или братья.

– Я пойду! – тут же вызвался Угушев.

Девушка едва успела поймать его за капюшон толстовки.

– Тебе нельзя, это вызовет подозрения. Вот если бы ты... – Она нерешительно глянула на Таню. – Ты могла бы сказать, что пришла из русской части поселка и хочешь погадать. Мама сама не гадает, но наверняка предложит отвести тебя к

бабушке, а идти к ней как раз мимо нас.

– Конечно, уже иду! – воскликнула Милич, одновременно обмирая от страха перед неизведанным и от радости, что может быть полезна.

Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, пока подруга давала ей последние наставления, а потом бросилась к дому.

Крутая лестница вела на просторное крыльцо, дверь в сени была приоткрыта. Таня остановилась, приняухалась и безошибочно определила, где здесь кухня. В недрах дома на полную громкость орал телевизор, стучали ложки – похоже, семья собралась за обедом.

На кухне у плиты возилась с кастрюльками какая-то девочка с толстыми косами ниже спины, в красном платке, хрупкая и на голову ниже Тани.

– Прости, можно тебя спросить... – тихо начала Милич.

Та обернулась, и Таня поняла, что ошиблась: перед ней стояла взрослая женщина, просто миниатюрная. На гостью она смотрела спокойными глазами, да и чего бояться, если совсем рядом обедала ее большая семья, – из кухни в столовую вела круглая арка, и Таня видела край стола, заставленного блюдами, и спину плотного мужчины в красной рубашке.

– Тебе чего, милая? – тихим голосом спросила ее Мирела, и Тане почудилась в ее вопросе робкая надежда.

– Я погадать, вы можете?..

— А, вот что. — Женщина как-то сникла, повернулась к Тане боком и снова стала шуровать поварешкой в кастрюле. — Тогда погоди немного, я тебя отведу к матери мужа, она знатная гадалка. Подождешь?

— Ага.

Мирела, больше не обращая на гостью внимания, несколько раз сходила в столовую, отнесла туда два больших подноса с чайными принадлежностями и сладостями. В последний раз вернулась уже в наброшенной на плечи меховой безрукавке.

— Ну, пойдем, что ли.

Они пересекли чисто убранный двор и прошли вдоль забора. Напротив проулка Таня остановилась и сказала:

— Нам сюда.

Мирела повернула к ней удивленное лицо, а потом тихо ахнула, взметнула тонкие руки: к ней уже неслась Злата. Мать и дочь сжали друг друга в объятиях, Платон и Таня на всякий случай загородили ход в проулок.

— Девочка моя! — задыхаясь, едва сумела выговорить Мирела. — Я боялась, что никогда не увижу тебя, что ты попала в беду! Я ведь отыскала Аннет, потребовала с нее отчет. Она мне призналась во всем, рассказала, как спланировала тебя из дома. Не было ночи, чтобы я не рыдала в подушку от страха и тоски по тебе!

— Больше не плачь, мама, у меня все в полном порядке, — поторопилась заверить ее Злата. И все же она не забывала

смотреть полными слез глазами мимо матери, на пыльные тополя вдоль дороги. – Я хожу в хорошую гимназию, в десятый класс. Смотри – форма!

Мирела с удовольствием оглядела ее с ног до головы, поцокала языком:

– Ай, доча моя, какая же ты стала красивая и важная! Как та дама на перроне, помнишь ее? Но кто присматривает за тобой?

– У меня есть опекуны, они очень хорошие люди, мам, – заверила ее Злата, умолчав, конечно, о том, что оба опекуна сейчас находятся на длительном лечении. – А это мои новые друзья, мы учимся в одной гимназии.

– Какие хорошие люди! А это, дочка, – Мирела, приглушив голос, разведенными пальцами показала на свои глаза, – все еще при тебе?

– Да, мам. Но ничего страшного, я уже освоилась, не проблема. Только ты сейчас закрой глаза, я хочу рассмотреть тебя.

– Да чего там смотреть, – опечалилась женщина, но веки смежила. – Постарела я и подурнела в тоске по тебе. Отец твой был очень зол, не найдя тебя дома, он ведь уже обо всем столкнулся с тем семейством. Ты на глаза ему не попадайся, слышишь?

– И не собираюсь. Но с тобой мы сможем видаться, да, мам? Встречаться в городе, гулять. Вот мои номера, мобильный и домашний. – Она сунула заранее приготовленный ли-

сток в руку матери. – Позвони обязательно. А теперь мы побежим, пока меня тут никто не заметил.

Они снова крепко обнялись, прощаясь. Злата уже начала отступать в сторону дороги, но спохватилась Таня:

– Ой, а фотка-то? Вика ждет.

Тогда приемная дочь и названная мать встали плечом к плечу на фоне выкрашенного в цвет зеленого яблока забора, и Платон сделал несколько снимков на телефон. Едва закончили, как Злата вздрогнула и крепче вцепилась в руку матери, глядя мимо друга в сторону улицы. Вслед за ней повернули головы и остальные.

Там стоял и заглядывал в проулок парень в черных джинсах и темной неприметной куртке. Черные кудрявые волосы окаймляли худое лицо с так глубоко запавшими щеками, что казалось, ниже скул проведены отметины чем-то темным. Глубоко запихав руки в карманы и сгорбив плечи, он исподлобья разглядывал Злату. Потом заговорил сердито:

– Зачем ты явилась, Златка? Разве не знаешь, что тебе больше нет места в этом доме? Матери и так крепко досталось из-за тебя, хочешь, чтобы отец снова ее избил?

Девушка побледнела и даже слегка попятилась. Мирела, испуганно вжав голову в плечи, не смела ничего возразить взрослому сыну. Тогда Злата охрипшим от волнения голосом обратилась к парню:

– Миша, пожалуйста, не говори отцу! Я не собираюсь к вам возвращаться, просто пришла навестить маму. Ты зна-

ешь, я не цыганка и не обязана жить по вашим правилам. Потому и ушла.

– Ушла, оно и к лучшему, – все более злым голосом продолжал парень. – И так соседи ведьмой звали, дом наш за тебя чуть не пожгли. Нечего тебе тут появляться! Вот покличу сейчас отца, увидишь, что будет.

Словно в подтверждение своих слов он сделал пару приставных шагов в сторону родительского дома, глаз при этом не спуская с сестры.

И тут разом случилось несколько событий. Маго вскинул голову и насторожился, Таня ахнула, а Платон ринулся на парня, навалился на него всем весом, и оба рухнули на проселочную дорогу. Злата обеими руками крепко обхватила мать, так что лицо Мирелы оказалось вжато ей в плечо.

Миша, бледный от злости, первым вскочил на ноги, принялся стряхивать ладонями грязь с джинсов и куртки, упорно, как облитый чем-то кот, и так же по-кошачьи тихонько шипел сквозь зубы. Воронцову, чтобы встать, пришлось схватиться обеими руками за доски забора.

– Ты сумасшедший, гадже? – не сразу обрел голос Миша. – Чего кидаться? Я с тобой драться не собирался. Не дурак, знаю, полиция всегда на вашей стороне...

– Я тоже с тобой драться не собирался, – заверил его Платон. – И никакой полиции, обещаю.

– Миша, пожалуйста, не говори ничего отцу, не давай ему повода обижать маму. Мы уже уходим, – быстро проговорила

Злата.

Парень, слишком ошарашенный случившимся, перевел на нее взгляд, из которого разом исчезли злость и агрессия.

– Да не скажу я, больно мне нужно, чтобы моя мать ходила в синяках. Просто не появляйся здесь больше, Златка, договорились? Если вам так хочется, то встречайтесь с матерью подальше от поселка.

– Будь спокоен, Миша, не появлюсь.

Молодой цыган зашагал прочь, не забывая через плечо коситься на странную компанию. Злата расцеловала мать на прощание, и Мирела торопливо засеменила вдоль забора в сторону дома. Только тут ребята смогли выдохнуть и обменяться перепуганными взглядами.

– Быстро ты сориентировался, – сказал Маго Платону. – А я не сообразил.

– Просто мы со Златой предполагали что-то подобное, вот и оказались готовы, – утешил его старший друг. – В тот раз мы слышали эту мелодию в сквере, а потом двоих нашли мертвыми, хотя они не проявляли агрессии, просто наблюдали за нами. Все, что я мог сделать, – это прикрыть парня. Не знаю, помогло это или...

– Спасибо тебе, – все еще белыми губами прошептала Злата.

– С другой стороны, в первый раз я слышал мелодию в парке, когда со мной был Эдуард, и с ним ничего плохого не случилось.

Воронцов замолчал, задумался. Таня тяжело и часто дышала, Злата рукавом вытирала глаза, даже Маго выглядел озадаченным.

— Похоже, нам нужно быть очень осторожными, особенно когда собираемся вместе, — после паузы снова заговорил Платон. — Чтобы не повторилось то, что было в сквере. Мы не знаем, что это за... явление или сила такая и как она действует. Вроде бы оберегает нас. Но одновременно это явная угроза для окружающих, и мы не можем этим управлять. Возможно, даже в школе нам придется держаться по отдельности, пока мы во всем не разберемся. Ну если с этим вообще возможно разобраться. А теперь идемте на автобус.



Глава 5

Сталкер Василий



На телефон Кинебомбы пришло сообщение:

«Жду вас одного в семь часов вечера в парке, на том самом месте, где был найден последний».

В этот момент Антон с Борисом и Соней были на городском кладбище, стояли у свежей могилы, влажно чернеющей сквозь несколько развалившихся букетов и пару венков. В ней был похоронен Глеб, и никто не знал, что стало причиной его смерти. Кинебомба только что с вялым удив-

лением заметил, что Борис и Соня держатся за руки и старательно дистанцируются от него. Стоило Антону приблизиться и заговорить о возможном сборе участников «Апофетов» – оставшихся троих, как Борис принялся внимательно разглядывать собственные заляпанные грязью ботинки, а Сонин взгляд заметался испуганной белкой между мужчинами и могильным холмом. Кинебомба отвернулся от парочки и ушел, не прощаясь.

Без одной минуты семь он приблизился прогулочным шагом к торчащим из земли колоннам из золотистого камня – остаткам старинного здания Адмиралтейства на берегу Белого озера. Когда-то здесь был шахматный клуб, но он сгорел подчистую, а колонны уцелели и за годы полностью очистились от гари – таково было свойство местного камня. Только одна колонна развалилась на части.

На обломке ее и восседал мужчина, издали похожий на сыча: так плотно он запахнулся в куртку и втянул в плечи круглую лысую голову. Мужчина был уже немолод, полноват, но крепок и подтянут. Лысина свекольно багровела на легком морозце. За колоннами Антон углядел еще одного, по виду подростка, – он увлеченно рылся в смартфоне. Кинебомба подошел к старшему. Тот энергично поднялся на ноги, и стало видно его лицо – загорелое, с глубоко сидящими яркими глазами, круглый подбородок словно дробью посечен.

– Давид, – представился мужчина и протянул ладонь,

твердую, слишком горячую для такого стылого вечера. — Без отчества, если можно, ненавижу, когда напоминают о возрасте.

— Антон. Понимаю вас.

— Рад знакомству и особенно тому, что не прождал понапрасну в этой холодине.

— Я мог и не знать это место, — подметил Кинебомба. — Из наших не все знают... детали тех событий.

Сказал и с накатившей горечью осознал, что «наших» теперь почти не осталось.

— Тогда наша встреча не состоялась бы, — без всякого сожаления ответил Давид. — Времена сейчас сложные, и мы не стремимся к непроверенным контактам. Я в курсе, что Гриша дал нашу визитку не вам, Антон, но все же готов побеседовать с вами. Давайте пройдемся.

Они пошли медленно по кленовой аллее, парнишка двинулся за ними, но от телефона так и не оторвался.

— Сегодня девять дней, — с напором произнес Кинебомба, отпихивая в стороны ботинками тронутые заморозками и тлением листья. — Мы тоже тогда потеряли товарища. Вы знаете, кто их убил?

Давид на ходу долго и спокойно вглядывался в его лицо, потом спросил:

— Вы, Антон, только ради этого вопроса искали контактов с нами?

— Не только. Но этот вопрос для меня — наиглавнейший. Я

несу ответственность за каждого, кого позвал в «Апофеты».

– Понимаю. Вы не привыкли терять своих людей. Для вас это шок, гром среди ясного неба. А я ношу возле сердца, – он похлопал рукой по куртке, – обширный список погибших товарищей от начала существования «Комитета» и до наших дней.

Антон молча выслушал, дождался паузы и повторил:

– Так кто?

– Их никто не убивал.

– Но...

– Их прикончило нечто неуловимое и непостижимое, – перебил Давид. – Тут мы ступаем на шаткую почву домыслов и легенд. Мне и прежде случалось слышать о неких хранителях, которые оберегают этих несчастных детишек, но я не верил. Однако случай в сквере говорит в пользу их существования...

– Это они растят детей, а потом подбрасывают их в людные места?

– Нет. – Давид энергично помотал шаровидной головой. – Те существа нам давно известны. Мутанты, побочный эффект проводимых в Институте экспериментов, – полулюди, полупсы. В Институте их прозвали буками, и мы так зовем. Стопроцентно послушные, держат в голове лишь волю своих хозяев. Они тоже защищают детей, но только по распоряжению тех, кому служат. У них не было повода вмешиваться тогда, в сквере. К тому же хотя буки и движутся стреми-

тельно, но все же материальны. Мой человек или ваш – кто-то успел бы засечь их передвижение, снять на телефон, защититься. А хранители – это нечто неуловимое. Особенно сильны, когда все пятеро собираются вместе, могут без предупреждения прикончить тех, кто проявляет к ребятам повышенный интерес. Но, сдаётся мне, эта сила заложена в самих первенцах, поскольку в мистику я не верю. Возможно, Институт все же позаботился о своих созданиях.

– Вот как, – кивнул Кинебомба. В своих размышлениях он тоже склонялся к этому варианту.

– Собственно, это же логично: вложив в детей так много всего, обеспечить их чем-то вроде антивандального устройства.

– И ваша организация по этой причине преследует и убивает первенцев?

Давид почти минуту печально смотрел в лицо Антону, словно собирался упрекнуть его в дурацком чувстве юмора. Потом ровным голосом ответил:

– Вы ошибаетесь, мы вовсе не стремимся их убивать. Мы, как никто другой, понимаем, что это за дети. Совершенные создания и в кои-то веки не вампиры. Чистые, умные, добрые, и не в силу воспитания, а потому что такова их природа. Но увы, позволить им жить значило бы отнять шансы на нормальную жизнь у тысяч обычных людей.

– Да ладно! – Кинебомба попытался рассмеяться, но из горла вырвался какой-то хрип. – Пятерка нестандартных

подростков угрожает тысячам жизней?

– А кто вам сказал, дорогой Антон, что их всего пятеро? По нашим данным, только сейчас подрастает еще как минимум одна подобная группа. Институт... вы ведь уже слышали про Институт?

Кинебомба твердо кивнул, будто услышал про него не только этим утром.

– Так вот, почти сорок лет Институт никак не защищал своих созданий и без сожалений загубил сотни, если не тысячи опытных образцов. Это было жестоко и затратно, но это был самый эффективный путь. Так сотрудникам Института удалось вовремя разглядеть все прорехи и недочеты. Но теперь все меняется, после событий в английской школе они больше не хотят потерь и торопятся показать результат. Возможно, очень скоро наш «Комитет» из разряда учитываемых неблагоприятных обстоятельств перейдет в категорию «особо опасные», и тогда за нас, скорее всего, возьмутся всерьез.

– Английских ребят прикончила организация, подобная вашей? – напрямую спросил Антон.

Давид округлил щеки и саркастически поднял пушистую правую бровь:

– Что-то мне еще не доводилось слышать про организации, «подобные нашей». В «Комитете» достаточно народа, чтобы формировать группы везде, где появляются первенцы. Конечно, мы прежде всего опираемся на местные кадры.

Кинебомба в ответ даже присвистнул:

– О как! Мировая паутина! Давали объявления о наборе в интернете?

– Напрасно иронизируете, молодой человек! – Его собеседник по мере разговора как-то молодел и расцветал, краснота с лысины расползлась на виски и на скулы. – Ваша организация зародилась, самое позднее, десять лет назад, когда были обнаружены дети, не так ли?

Антон неохотно кивнул.

– А «Комитет» в этом году мог бы отпраздновать сорок лет своего существования. Хотя едва ли кому-то из нас придет в голову праздновать – слишком много трагедий, потерь, горьких решений. Когда-то в начале восьмидесятых годов прошлого века нашлись ученые, умные и мужественные люди, которые отказались участвовать в создании сверхлюдей. Они предвидели, к чему это приведет однажды. Тогда и возникла международная организация, цель которой – устранять последствия таких экспериментов, раз уж невозможно остановить сам процесс. А это самое печальное и трудное в нашей работе, поскольку последствия – невинные дети. Но выбора у нас нет. Многие в «Комитете» наследуют дело отцов и дедов. Вот и мой отец, когда великая миссия постучала в его дверь, на свою беду, оказался дома.

– Так значит, дети в Барнсе – ваша работа, – кивнул самому себе утвердительно Кинебомба.

– А вот и ошибочка, дорогой. Не наша. Видите ли, Антон, со временем люди сильно изменились. Если мое поколение

много размышляло о судьбах мира, то нынешние молодые больше думают о собственном душевном комфорте и как бы не замарать ручки. Англичане – тамошнее отделение «Комитета» – без конца тянули, откладывали решение по первенцам. Предлагали другие методы: похитить пятерку, изолировать, держать под контролем. Наверное, рано или поздно они на что-то решились бы: ведь количество жертв все росло. Но тут вмешалась судьба в виде этого свихнувшегося парнишки-стрелка. Но вы мне, кажется, не верите?

Не заметить полную сарказма ухмылку Антона было сложно даже в густеющих сумерках.

– Не верю, – отрезал Кинебомба и застыл на месте, всем видом давая понять, что собирается уйти прочь по ближайшей аллейке, но не позволит делать из себя идиота.

– Могу я спросить почему? – Глаза Давида лучились радушием и желанием все прояснить.

– Да ведь это очевидно, разве нет? От пуль стрелка погибла лишь старшая девочка, которая заслонила собой друзей. А потом остальные умерли в больнице без особых на то причин. Кто же их убил?

Его собеседник вроде как спохватился, всплеснул руками:

– Ох, вы же не в курсе, да и откуда вам такое знать.

– Чего я не знаю?

– В это почти невозможно поверить, но вам придется. Между ребятами существует непостижимая связь: если умирает один, то умирают и все оставшиеся. В течение суток.

Вот такой расклад.

Пару минут Кинебомба жадно глотал влажный воздух и не мог понять, издевается ли над ним собеседник, и если да, то зачем.

– Не верите? – мягко, сочувственно спросил Давид. – Понимаю. Так было не с самого начала, но в какой-то момент ученым лбам Института, похоже, стало неинтересно создавать просто детей необычных. Потребовалась сверхзадача. Или, скорее всего, их настойчиво попросили учесть и этот фактор. Ведь так первенцами гораздо удобнее управлять.

– Попросили – кто?

Мужчина, словно извиняясь, развел в стороны коротковатые руки:

– Об этом, Антон, я готов вам однажды рассказать, но уже на новом витке нашего общения.

Кинебомба подергал острым подбородком, спросил:

– В смысле, если я войду в вашу организацию?

Давид царственно кивнул.

– Зачем я вам? Точнее, даже не я. Зачем ваш сотрудник дал половинку визитки моему товарищу? Народу в вашем «Комитете», как я понял, и так достаточно.

– Давайте сядем. Устал я что-то.

В самом деле, недавно еще полный энергии, мужчина как-то осунулся, словно шарик, из которого наполовину выпустили воздух. Его румянец бесследно исчез. Они вернулись к упавшей колонне, и Давид, прежде чем сесть, достал из

кармана и расстелил газетку для себя и для Антона.

– Вы поняли не совсем верно: народу у нас пока много, но все равно не хватает. Особенно компетентных, знающих историю первенцев изнутри, равнодушных к этим бедным детишкам. Грядут темные и опасные времена, конфронтация с Институтом все жестче, а нас все меньше. Мы несем потери. Того, по чьей наводке мы с вами сейчас беседуем, уже нет в живых. Мы стареем, болеем и покидаем ряды по естественным причинам. А молодое поколение скорее восхитится успехами Института, чем соблазнится нашей опасной и порой грязной работой. Приглашать с улицы кого-то, кто о первенцах слыхом не слыхивал, – не вариант.

– И все равно странно, что вы вот так с ходу вербуете меня, – не унимался Кинебомба. – Я могу оказаться кем угодно, даже агентом Института. Вы знаете, что мы – противники убийства детей, и, возможно, сейчас я преследую цель помешать вам!

Давид отозвался глубоким, с присвистом вздохом:

– Что поделаешь, мы готовы пойти на риск. Возможно, мы сумеем вас переубедить, ведь вы разумный человек. Гуманный человек. Вот, кстати, приготовил специально для вас...

В руках его возникла отсыревшая кожаная папка, которую Кинебомба прежде не замечал. Мужчина старательно протер ее пухлой ладонью.

– Я в курсе, что вы побывали в английском Барнсе, собрали материалы о детях. Тамошние комитетчики переслали

нам ваше фото и прочие данные. Кое-что вам удалось тогда разузнать. В папке вы, Антон, найдете то, что узнать никак не могли, хотя бы потому, что не задавали нужных вопросов. Это о том, что на самом деле происходило в школе и городе в последние недели перед гибелью первенцев. Здесь скрины различных документов, к ним приложены русские переводы. Прочитайте и, если захотите продолжить нашу беседу, свяжитесь со мной. Номер сохранили? Вот и ладненько. А пока позвольте покинуть вас.

Он грузно поднялся на ноги и снова протянул Антону ладонь, которую тот рассеянно пожал. Из густой тени между колонн тут же выступила долговязая фигура. Когда подросток приблизился и встал за спиной Давида, стало очевидно, что это его сын: то же круглое лицо с выступающим подбородком, но вместо лысины – густая шапка волос, да и ростом обогнал отца. На Кинебомбу он посматривал подозрительно, но с интересом.

– Это мой Слава, – с явной гордостью представил его отец, положив руку на плечо сына.

– Возвращать не надо? – спросил Антон, одновременно кивая в знак приветствия и встряхивая папкой.

Давид уже вполоборота махнул ладонью:

– Это все копии. Можете прочитать, выкинуть и забыть о нашем знакомстве. Но я был бы рад повидать вас снова, Антон. Очень рад, помните об этом.

Не дожидаясь ответа, оба неспешно двинулись в сторону

Карпина пруда. Кинебомба долго глядел им вслед. В этот момент он скорее готов был поверить в то, что двое безумцев из одной семьи разыграли его, чем в то, что ему поведал Давид, в то, что этот вот парень в самом деле идет по стопам отца вместо того, чтобы жить нормальной подростковой жизнью. Но если все сказанное правда, то почему тогда Элла не рассказала ему о связи между детьми? Это был второй удар от самых близких за один и тот же день.

* * *

Редкий после ухода Антона окончательно утратил душевный покой. Едва отвечал Элле и впервые обрадовался, когда на ее браслете высветился вызов на процедуры. Дни в клинике Института очень сблизили их, и Эдик отдавал себе отчет, что достиг в отношениях с любимой бо́льших сдвигов, чем за последние десять лет. Он чувствовал себя счастливым, но сегодня презирал себя за это счастье и расслабленное времяпрепровождение последних дней.

– Дружище, начинай уже действовать, – бормотал он себе под нос, бродя бесцельно по коридорам клиники. – Ты сейчас в самом сердце вражеской организации, а ведешь себя так, будто у тебя медовый месяц.

Он поежился, вспомнив неприкрытое презрение в глазах Кинебомбы, когда пришлось признаться, что он пока ничего не выведал. Элла сразу вступилась, сказала, что это невоз-

можно, повторила, что разные этажи тут как разные государства. Но Антон на нее тогда и не глянул, только хмыкнул. Небось воображает, что на месте приятеля уже получил бы доступ ко всем документам по проекту «Первенцы» и освободил бы подопытных.

«Но что я могу, в самом деле, – пытал себя Редкий. – Допустим, каким-то образом проберусь на тот этаж, где занимаются проектом, взорву лабораторию, уничтожу документы. Нет, не взорву, мне нечем. И документы все продублированы в других подразделениях Института!»

В возбуждении он почти перешел на бег. И тут же на его пути возникла медсестра, спросила, чем может помочь. Он попросил обезболивающее – голова разболелась, постреливало в ране, о которой он предпочитал никогда не думать. Однако девушка, покосившись на свой браслет, ласково, но непреклонно ответила, что он уже получил на сегодня все необходимые медикаменты. Раздосадованный Эдуард резко обогнул ее и зашагал дальше.

«Так, а если я выкраду документы по проекту и опубликую их? Мир узнает, что уже выведена порода сверхлюдей».

Но противный тенорок, несколько напоминающий голос Антона, проскрипел в его мозгу:

«Ну и? Все станут орать, как это круто, сверхлюди, ура! А потом всё объявят фейком и тебя засунут в психушку».

Он подергал головой, отгоняя видения себя, одноглазого и одичавшего, бьющегося головой об обитые полосатыми

матрасами стены.

«Но если удастся сфотографировать новую партию первенцев, то, как они, голые, ползают по полу в своих крохотных конурках, дикие, с бессмысленными взглядами? Это должно впечатлить... ну хоть кого-то. Но опять же, ну и что, – не стал он дожидаться внутреннего голоса. – Малышей уничтожат, следы зачистят. Даже если этот Институт прихлопнут, другие-то останутся».

По всему выходило, что сделать он ничего не может. Но мириться с этой здоровой мыслью Эдик упрямо не желал. Чтобы избежать новых контактов с медперсоналом, он зашел за дверь из матового белого стекла в самом начале отделения. На табличке был изображен джентльмен в шляпе и с тросточкой – хотя каждая палата была оснащена всеми удобствами, имелся и общий туалет. Сюда пациенты в основном заходили покурить вдали от укоризненных глаз медсестер.

Просторное помещение сияло чистотой, пахло свежестью и палой листвой, немного – мятой и бергамотом. А вот освещалось слабо, некие подобия старинных рожков опоясывали туалетную комнату по периметру. Здесь была имитация окна: солидный дубовый подоконник, темно-зеленые матерчатые занавески, за которыми обнаруживалась не каменная кладка, а синее толстое стекло с подсветкой – имитация закатного неба.

«Так-так, – Эдуард, перекидывая голову то на правое, то на левое плечо, здоровым глазом изучал туалет. – Мы нахо-

димся глубоко под землей, а воздух тут почти такой же, как в парке наверху. Значит, должны существовать сложные системы вентиляционных труб».

Вентиляционных решеток тут хватало, причем некоторые выглядели новее, а другие были как будто давно законсервированы. До одной такой можно было дотянуться, забравшись с ногами на подоконник. Скоро Редкий уже стоял на нем и увлеченно выкручивал шурупы с помощью швейцарского ножа, давнего подарка отца, который всегда носил с собой. Сняв решетку, ощупал пространство за ней – горизонтальный квадратный туннель. Правда, пролезть туда может разве что кошка, но если расколупать часть стены...

«Я похож на утопающего, который хватается за лезвие бритвы», – сам себе поставил диагноз Эдик. Попытался приплюснуться и едва не застрял в отверстии головой.

– Через этот лаз, уважаемый, попадете разве что на кухню. Но лучше скажите, что желаете, и я вам это доставлю.

Редкий дернулся в панике, замахал руками и едва успел прыгнуть, а не свалиться на пол. За ним наблюдал маленький человечек в сиреновом комбинезоне санитара с моющим пылесосом в руках. Мужчина неопределенного возраста с хитрым взглядом и стянутыми в хвост редкими волосами цвета пыли. Глаза, как у галки, – много белого и ярко-голубого. Еще до того, как встать, Эдик постарался принять как можно более идиотский вид, выпятил губу и прикрыл наполовину единственный глаз.

– Удивляюсь я, честное слово, – качал головой санитар, но хоть охрану на подмогу звать не спешил. – Уж чего тут только для развлечения нет, хоть в кафе сиди, хоть в киношке. Артистов через день привозят! Ан нет, он винтики открутил и едва в трубу не упорхнул. Сбежать, что ли, решил, голубь? Так тут силком никого не держат, выпишут в любой момент!

– Не сбежать, – капризным голосом протянул Редкий. – Просто душно мне стало. Операции я боюсь, а тут еще окон нет, воздухом не подышать, когда хочется.

Санитар сочувственно качнул головой, и Эдик воспрянул духом. Похоже, повезло нарваться на не вредного и не слишком сообразительного сотрудника. После вышколенного персонала простое обращение санитара грело душу.

– Что у тебя там? – Мужчина указал пальцем на перевязанную часть головы.

– Глаз. То есть нету, – вздохнул Эдуард.

– Тю, глаз! Вырастят и вставят лучше прежнего.

– Предпочитаю такой же, какой был, – опасливо уточнил Редкий.

– Тоже верно. Чтобы с оставшимся сочетался! – развеселился и залился тонюсеньким, на одной ноте, смехом санитар. – А вот проходы в другие отделения искать не советую. Тут с этим строго.

– А есть что скрывать?

– Ну а ты как думал? Это научный институт, не больница. Профессорам и академикам не нравится, если у них клиенты

из лечебного отделения под ногами путаются.

– А если незаметно, ночью? Хоть бы одним глазиком глянуть, что тут и как. – Эдуард решил и дальше разыгрывать фишку глуповатого и любопытного пациента.

– Незаметно не получится! – Санитар явно получал от разговора все большее удовольствие. – Забыл про свой браслет? Так вот, в помещении охраны на целую стену табло, по нему движутся туда-сюда разноцветные точки. А еще есть цветовые границы. Как только одна точка пересекает свою границу, срабатывает сигнал тревоги. Тогда охрана берет носилки и идет эту точку вытаскивать обратно. А носилки потому, что от браслетика нарушитель получает особый импульс и отключается.

– Да ну! – поразился Редкий. – Это же произвол какой-то!

– Друг, ты инструкцию к браслету почитай, – мирно предложил ему санитар. – Она в каждой палате на видном месте повешена. И никто не возражает. Вот камеры на каждом углу мало кого устроили бы, тут такие шишки лечатся, что и сказать страшно. И все для вашей же безопасности, потому как здесь всякое есть: лаборатории с вирусами, зоны с повышенной радиацией, зверюшки с измененным поведением. Так что хоть ты какие миллионы заплатил за свое лечение, а закон для всех один: разбудили и на выход. А твое дело одноглазое, так что лучше не нарывайся.

– Понятно, – вздохнул Эдуард.

В глубине души он не мог не признать, что мелкий тип

появился как нельзя вовремя. И совесть вроде немного успокоилась – он же старался.

– Ладно, сейчас верну шурupy на место, – сказал и даже сделал шаг к подоконнику, но санитар аккуратно, двумя пальцами, поймал его за рукав.

– Сам сделаю. И приберусь тут, чтобы вопросов не возникло.

– Спасибо! – от всей души сказал ему Редкий, перед тем как покинуть место своей неудачи.

– Спасибо – это тлен, – изрек маленький санитар. – Сладкий, но тлен.

– Но мне больше нечем вас отблагодарить, – правильно уловил намек Эдуард. – Я сюда без денег попал, а тут они не нужны...

– Деньги, если вдуматься, еще больший тлен, – карабкаясь на подоконник, философски подметил мужчина.

– А что не тлен? – заинтересовался Редкий.

– А не тлен – дружба и взаимовыручка между людьми.

– Согласен!

– Молоток! – одобрил санитар. – Тебя как зовут?

– Эдуард, можно Эдик. А вас?

– Я Василий, – с достоинством сообщил санитар. – Работаю в этом удивительном месте уже двадцать лет. Кто лучше меня узнал, те зовут по-простому – сталкер Вася. Знакомо тебе это слово?

– Знакомо, – насторожился Редкий. – Это, случайно, не

означает, что вы можете, так сказать, в частном порядке провести человека... ну, куда ему обычно вход закрыт?

– Сам я тут много невероятных местечек знаю, – уклончиво ответил сталкер Вася. – Иногда бывает приятно разделить впечатления с другом.

– В обход браслета?

– Что браслет? Тьфу, мелочь. – В доказательство своих слов сталкер буквально на мгновение запустил руку в карман комбинезона, вытащил ее обратно с полной горстью разноцветных браслетов и снова спрятал с такой скоростью, что Эдик заморгал глазом.

– А куда водите? Ну какие тут места самые интересные?

– У-у-у, – протянул маленький санитар и округлил блестящие сорочьи глаза. – Тут такое можно повидать, о чем в сказках не прочитаешь. Есть, к примеру, что-то типа зверинца, только звери там таких пород, каких в природе не бывает. Жуть несусветная. А есть оранжерея, где растения людей узнают, ветками им машут и раскланиваются. Это место я люблю, там одна славная березка растет, так и женился бы на ней. Есть кунсткамера со всякими экспериментальными существами, которые, на их же счастье, живыми недолго протянули. Или еще кинозал, куда профессора ходят смотреть, как у коллег опыты проходят. Много тут чего имеется.

Сталкер интригуяюще замолчал. Эдик лихорадочно обдумывал, не задать ли ему вопрос про проект «Первенцы».

– А ты на воле чем занимаешься? – вроде как равнодушно

поинтересовался Василий.

Редкий уже открыл рот, чтобы сказать, что он юрист, но вовремя захлопнул его вновь. Если он правильно понял, местный санитар ищет дружеских связей с сильными мира сего, какой-то там юрист ему неособо интересен. Ему и деньги едва ли интересны, живет тут при полном коммунизме.

– Да ничем особо, – уронил равнодушно.

– Мажор, что ли?

– Вырос уже из возраста мажора. Помогаю отцу в делах.

Сталкер Вася неопределенно кивнул, занялся шурупами и вроде как потерял к собеседнику интерес.

– Так что насчет экскурсии? – подождав немного, спросил Эдик.

– Сперва нам сойтись поближе нужно, – через плечо буркнул Василий. Даже по его спине было понятно, что разговор завершен.

Озадаченный Редкий пошел прочь, не понимая толком, добился он чего-то этим вечером или все было зря, а намеки санитары – обычный треп и разводилово.



Глава 6

Объявление в газете



В этот день в гимназии пятерка ребят не собиралась вместе каждую перемену. Таня отчаянно скучала и не знала, чем заняться между уроками. Да еще Паша Майский постоянно вился рядом, а Даша Зимина испепеляла взглядом. После занятий в раздевалке к ней подскочил Маго – у остальных еще продолжались уроки.

– Эй, погуляем с Абреком?

– Давай, – обрадовалась девочка. Если бы не Маго, Пашка

точно увязался бы ее провожать, вон, зыркает злобно на пятиклассника. – Только на этот раз поднимешься в квартиру вместе со мной. Заодно и чаю попьем.

– Ага, есть правда охота, – закивал Маго. – Со вчерашнего дня, как говорит моя бабуля, жор напал. Слушай, а у тебя тоже так после той мелодии? Я как ее услышу, – два раза это было, – и будто марафон пробежал, весь пустой изнутри.

– Мне после нее очень тревожно, – подумав, тихим голосом призналась Таня. – А аппетит, наоборот, исчезает. Но это хорошо, я же на диете.

До дома пошли пешком, Милич по пути все поглядывала на юного друга. Наконец Маго это заметил, энергично протер лицо сначала правым, потом левым рукавом куртки.

– У меня грязь на фейсе, что ли?

– Нет, с лицом все в порядке, – ответила девочка. – Но ты какой-то не такой с того дня, как тебя увезли те люди на машине. Расскажи все-таки, что они от тебя хотели?

– Да я говорил уже: ничего не хотели! – волчком закрутился на месте Угушев. – Это все отец. Ну, как бы отец. Прикинь, он мне предложил самому убираться куда-нибудь в детдом, и тогда он вернется обратно в семью. А я сказал, пусть он маме и бабуле это предложит, а как они скажут, так я и сделаю. Не веришь, да? – поймал он скептический взгляд Тани.

– Не-а, не верю. И никто из наших не верит, просто не хотят тебя ставить в неловкое положение. Эх, Маго, а кто

призывал, чтобы никаких тайн между нами?

Мальчик покраснел и часто задышал, Таня тотчас же пожалела о своих словах.

– Ой, прости. У тебя есть причина не говорить правду, верно?

– Верно, – в сторону тихим голосом признался Маго.

– И мне ты тоже не можешь сказать?

Угушев задумался и уже через секунду принял решение: а почему бы и нет? У Тани – отличная семья, вряд ли ей сорвет башку от известия, что у некоторых из них есть родители, возможно, братья или сестры. К тому же родители весьма сомнительные, просто доноры генетического материала, не более того.

– Ладно, Таньк, – сказал он. – Но только тебе. Я против тайн в нашей пятерке, но тут особый случай, понимаешь? И давай остановимся.

– На ходу не можешь?

– Я-то могу. А вот ты вечно спотыкаешься, когда волнуешься.

– Верно, – вздохнула девочка.

Они сели на скамейку на пустой автобусной остановке, и Магомет кратко изложил Тане историю своего похищения, рассказал про девочку в огромном доме и мальчишку на фотографии. Милич слушала, слегка приоткрыв рот от изумления. Когда история подошла к концу, она еще обдумывала несколько минут сказанное, потом огорченно покачала голо-

вой.

– Не нравится мне это, если честно. Маго, давай ты еще разок хорошенько подумаешь, потому что я предлагаю рассказать это всем. Просто не понимаю, зачем скрывать от ребят такие важные сведения! Но вот за кого я рада, так это за Вику. Вот бы найти ту, вторую, Викторию в соцсетях!

– Это еще зачем? – не понял Угушев.

– Ну как? Ты вдумайся, десять лет назад двух девочек считали просто похожими: слишком в разных условиях они росли. Но кто-то поспешил похитить одну из сестер, потому что знал, что скоро тайное станет очевидным. Теперь уже ясно, что они – близнецы. Нашей Вике трудно живется, ее родители думают, что потеряли настоящую дочь, потому что пожалели и взяли в дом какую-то подозрительную девчонку. А на самом деле Вика – такая же их дочь, как та, вторая. Если подсунуть им фотку, то они это поняли бы и перестали бы относиться к ней как к какому-то подменышу!

– Вот это да! – Маго с чувством саданул себе кулаком по лбу. – Как я сам не просек? Нужно мне снова съездить туда и ее сфотографировать!

– Ты разве сможешь отыскать то место?

– А почему нет? – от всей души изумился Угушев. – Глаза они мне не догадались завязать, а зрительная память у меня ого-го какая!

– Не надо, не ездь! – взмолилась Таня, испуганная и огорченная тем, что сама невольно подкинула другу идею новой

авантюры. – Еще попадешь в беду. А потом, как Фоминым доказать, что это их дочь, если они близнецы? Сейчас в фотошопе что угодно можно сделать.

– Ну, у той Виктории прическа другая и одежда. Но это все ерунда, конечно... А еще родинка вот здесь! – Маго потыкал пальцем себе куда-то повыше рта.

– Вот это важная деталь, – согласилась Милич, щеки ее запылали. – Вика же не помнит сестру, фотографии родители прячут. Значит, родинка для них могла бы стать стопудовым доказательством. Но все равно, Маго, даже не думай рвануть туда снова! Обещаешь?

– Еще чего, – буркнул мальчик.

Он сорвался со скамейки и зашагал в сторону Таниного дома в надежде, что, пока девочка будет догонять его и стараться не пыхтеть, авось и забудет потребовать обещания.

Стоило отворить входную дверь, как Абрек вылетел в прихожую. Он лапами и головой пытался выдавить ребят обратно на площадку, подскакивал и поскуливал, всем видом показывая, что ему срочно, прямо сейчас необходимо на прогулку. И Таня уже собиралась сказать Маго, что с обедом придется чуть повременить, не мучить же пса, но тут со стороны кухни пришел на шум Володя и сказал:

– Не очень-то ведитесь на его фокусы. Мы вернулись с улицы десять минут назад.

Он ушел в свою комнату, чуть горбясь. Таня проводила брата огорченным взглядом: последнее время он был сам не

своей. Перестал дурачиться с ней, все больше времени проводил один в комнате. Она знала причину: брат с первого взгляда и, предположительно, навсегда влюбился в красавицу Злату. Но из-за совсем незначительной разницы в возрасте он уже считается взрослым, а она – еще несовершеннолетняя. По этой или другой причине, но Вовка не делает попыток сблизиться с девушкой и ни с кем даже не обсуждает свое чувство.

Таня старалась помочь как могла. И на своей странице ВКонтакте выкладывала фотки с их совместных прогулок, главным образом те, на которых Златка была на первом плане. И заговаривала о ней будто невзначай, когда брат был рядом. Рассказывала, как у подруги дела, ненавязчиво давала понять, что сердце Златы свободно, а с Платоном они просто отличные друзья. Владимир упрямо отмалчивался.

Разоблаченный Абрек пристыженно рухнул на спину, но оживился, сообразив, что ребята идут на кухню, и у холодильника оказался первым. Он, похоже, до сих пор не решил, что любит больше: гулять или есть. Так что Таня и Маго спокойно попили чаю с бутербродами и оладьями и еще раз обсудили все последние события. Потом девочка спохватилась:

– Темнеет уже. Пошли, мы с Абреком проводим тебя до дома.

Абрек судорожно проглотил последнюю оладушку и ринулся в прихожую.

Когда вышли на улицу, оказалось, что к ранним сумеркам

добавилась еще и сочащаяся с неба морось. Они задержались на пороге под козырьком, Таня не давала захлопнуться двери в парадное, прикидывая, не вернуться ли за зонтом. Рядом с ними у фигурной решетки, ограждающей с двух сторон входную дверь, стоял, сильно горбясь и втянув голову в плечи, какой-то подросток лет шестнадцати – наверное, прятался от дождя. Кожа на его щеках и лбу была такой воспаленной, что казалось, будто он размазал по длинному костлявому лицу какую-то ягоду.

Но дождик вроде шел на убыль, у подъезда расплылась огромная лужа, в которой Абрек с интересом изучал собственное изображение. Маго первым перемахнул на другую сторону и теперь с дорожки призывно махал подруге рукой. Таня прыгать не решилась. Она соображала, как обойти лужу, когда сильный удар в спину швырнул ее плашмя прямо в воду. К счастью, она сумела удержаться на вытянутых руках и одним колене, выскочила на сухое место, брезгливо отряхиваясь. Джинсы намокли до колен, в ботинках смачно хлопала вода, даже кончики волос успели соприкоснуться с лужей и теперь противно липли к шее.

Но некогда было приводить себя в порядок: у подъезда бушевала отчаянная драка. Маго висел у подростка на шее и колошматил его ногами по подколенкам, пытаясь завалить, Абрек с утробным воем терзал брючину незнакомца, возможно, вместе с кожей. Тот отбивался молча и как-то вяло.

– Стойте! Прекратите это! – завопила Таня, прямо по воде

бросаясь назад. – Абрек, ко мне! Маго, фу! Ой, то естьпусти его!

Мало-помалу ей удалось остановить схватку, подтянув к себе за ошейник пса и за ворот куртки – друга, оторвав обоих от жертвы. Освобожденный парень и не думал убегать, тяжело дышал и смотрел на Таню в упор, не мигая.

– Зачем ты это сделал? – спросила она.

– Прости меня, – произнес он сильно в нос.

– Простить? Так ты ради этого меня толкнул? – ахнула Милич. – Ты из нашей гимназии?

– Нет, я из третьей школы, – после паузы угрюмо отозвался прыщавый тип.

– Тогда откуда ты знаешь... в смысле, почему ты решил просить у меня прощение?

Ответ парня доконал ее окончательно.

– Так все знают. – Он слегка пожал узкими плечами. – Во всех городских группах написано. Ну в тех, где объявления всякие.

– Написано – что?! – шепотом спросила Таня.

Маго и Абрек синхронно зарычали.

– Ну, типа есть в городе такая девчонка. Если ее обидеть, а потом попросить прощения, то тебя сутки все будут носить на руках и подарками заваливать. Указана школа, адрес, и даже фотка твоя есть. Я сперва думал, что это такой прикол, но потом решил попробовать.

Таня глухо застонала от ощущения близости катастрофы.

– Не думай, я обычно девчонок не обижаю, – на одной ноге бормотал подросток. – Но у меня ситуация такая, во всем полный отстой. С девчонкой своей еще в августе разругался, а теперь учиться не могу, вообще ничего в голову не лезет. Учителя орут, дома напряги. Мне бы только один день нормальный, чтобы все исправить. А потом все иначе у меня пойдет. Я уже все продумал... так прощаешь?

– Прощаю, – выдохнула девочка. – Иди уже.

– За-ачем? – застонал Угушев и схватился за голову.

Парень же со всех ног кинулся наутек, словно Таня могла забрать свое прощение обратно. Абрек, громко визжа от такой несправедливости, рвался за ним следом, так что какое-то время Тане и Маго пришлось изо всех сил упираться пятками в цемент, удерживая лохматую махину на месте.

– Ну и за кем теперь нужно присматривать? – мрачно спросил Угушев, когда парня и след простыл, а пес переключил грозное внимание на кошку в окне первого этажа. – Беги живо переодеваться, я пока побуду с Абреком.

– Не. – Милич бросила боязливый взгляд на лоджию своей квартиры. Там стоял Володя, распахнув фрамугу и перегнувшись через подоконник. Он пытался рассмотреть, что творится внизу, но мешали пляшущие на ветру кроны деревьев. – Брат дознание устроит. И вообще, пошли отсюда, пока он не спустился.

Ухватив покрепче поводок, она почти бегом поспешила за угол дома, Маго – следом. Абрек в два прыжка обогнал

ее и ощерил пасть, решив, что наконец началась погоня за обидчиком обожаемой хозяйки. И снова им стоило немалого труда затормозить его.

– Думаю, я знаю, чья это работа, – выдохнула Таня, прислоняясь к стене дома и тяжело переводя дух.

Больше всего ей хотелось скинуть отяжелевшие, громко чавкающие на каждом шагу ботинки, пусть даже пришлось бы топтать по грязи босиком.

– А то я не знаю, можно подумать! – заорал на весь квартал Маго. – И еще знаю, кого завтра ждет еще один сеанс страхотерапии.

– Маго, нет! – выкрикнула девочка, замотав отчаянно головой. – Мы договорились же: никаких демонстраций наших...

– А сама-то? – тут же подловил ее друг. – Простила этого дебила, а зачем? Он теперь всем расскажет, что сработало, и за тобой скоро толпы будут ходить.

Таня снова негромко застонала, вообразив себе такую картину, ей тоненько подвыл Абрек.

– Мне просто стало его очень жалко, он выглядел таким несчастным. Но ты прав, я глупо поступила. Надо было хоть попросить его, чтобы молчал, соврать, что иначе не сработает... хотя это уже ничего не изменит, если таких объявлений десятки.

– Потребовать, чтобы убрали, может? Написать админам, что это нарушение прав человека, запрещено сливать лич-

ные данные! Судом пригрозить!

– Маго, в большинстве групп бесплатные объявления никто не проверяет, они появляются сразу по факту размещения, – сокрушенным голосом произнесла девочка.

– Но ты же скоро не сможешь из дома выйти!

– Я это понимаю. Хуже всего, что у моих родителей уже на уровне рефлексов отработано: спасти меня любой ценой. Если они узнают, что происходит... да даже просто поймут, что я боюсь из квартиры выходить, то тут же затеют переезд в другой город. Меня вообще на время отошлют куда-нибудь к родственникам. Но я же не могу расстаться с вами! Мы только нашли друг друга!

– Да им никто и не позволит тебя увезти, – тихо, словно сам до конца не веря своим словам, проговорил Маго. – Не для того нас всех собрали в этом городке.

Милич, стремительно белея, охнула и прижала кулак к губам. Мальчик, потоптавшись рядом с самым сочувственным видом, тронул ее за рукав.

– Ладно, пошли тогда к Златке, а я звоню Платону. Обсудим ситуацию, и ты хоть переоденешься наконец.

* * *

Антон вернулся в свой дом в Загвоздке – и каким же холодным и бесприютным его нашел! Ветер исхитрился-таки распахнуть форточку и выдул из помещения все тепло,

посрывал со стен фотографии ребят, смел со стола бумаги. Словно подал знак: все кончено, организация «Апофеты» прекратила свое существование.

Кинебомба долго бродил по стылому помещению без мыслей и ощущений. Попытки подумать о чем-то или прибраться вызывали колотье в сердце и нечто вроде душевной тошноты. Все было действительно кончено, он остался один и без цели. Десять лет псу под хвост. Мучительнее всего было воспоминание о том, что утром Эдик и Элла попросту умолчали о связи между ребятами. А ведь знали, не могли не знать – Элка шпионила на создателей первенцев. Они не доверяли ему, списали его со счетов. Или попросту продались с потрохами тем, у кого перспективы, деньги, влияние, – блистательному Институту.

Нужно было как-то отвлечься, иначе он не дотянул бы до рассвета, и Антон открыл папку с документами. Поверх первой же страницы под пленкой лежал перечень файлов, написанный почерком необыкновенно аккуратным и четким. Наверняка писал Давид – хозяин и почерк чем-то неуловимо походили друг на друга.

- 1. Докладная записка учительницы старших классов директору школы города Барнса о ЧП на уроке.*
- 2. Вырезки из местных газет относительно взрыва в столовой школы.*
- 3. Статья о ночном происшествии в пабе «Красный лев».*

4. Подборка материалов по розыскным работам после школьного пешего похода, выписки из врачебных отчетов о состоянии выжившего ребенка.

5. Интернет-дневник Орсона Брука, устроившего бойню в библиотеке. После случившегося его старшая сестра слила записи в публичный доступ, пытаясь если не оправдать брата, то хотя бы привлечь внимание к истинным причинам случившегося. Полицейские просекли и изъяли, но нам удалось скопировать.

После последней фразы от руки был нарисован улыбающийся смайлик. Под первым рукописным листком обнаружился еще один. Тот же почерк, и всего несколько строчек, размашисто написанных на листе А4:

1. Шарлотта (Чарли) Дуэйн, по документам 17 лет.
2. Миа Годар, 12 лет.
3. Колин Бойл, 14.
4. Том Сандерс, 15.
5. Марк Сигал, 16.

Кинебомба прямо в верхней одежде присел к столу и принялся читать по порядку.

Господин директор, первая половина урока алгебры прошла без всяких происшествий. Я проводила письменный опрос, класс после физических занятий на воздухе был взбудоражен, но минут через пять все занялись заданием, разговоры стихли. Я с кафедры наблюдала за порядком. На двадцатой минуте урока Энди Вирхом вдруг громко закричал, вскочил с места

и тут же упал в проход, запнувшись о ножку стола. Встав на колени, он принялся ощупывать руками лицо и всю голову. Я немедленно послала одного из учеников за школьной медсестрой, приказав всем прочим оставаться на местах, а сама попыталась привести Энди в чувство. Он громко кричал, что ничего не видит и не слышит. Не скажу точно, но, по моему мнению, он потерял и чувство осязания, потому что руки его двигались хаотично, а на мои попытки поднять его или хотя бы успокоить он никак не реагировал.

Скоро появилась школьная медсестра, которая на всякий случай отвезла мальчика в больницу. Но еще до медицинского вмешательства он начал приходить в себя. Из больницы родители забрали его домой. После уроков я заходила к ним, беседовала с Энди и его родителями. Мальчик не страдает аллергией, прежде никогда подобного с ним не случалось. Из необычного в тот день сумел вспомнить лишь то, что в школьном кафетерии случайно опрокинул свой поднос на учащегося Орсона Брука, но во время происшествия Брук находился на другом уроке...

Дальше шла приписка рукой Давида: «Орсон Брук, напоминаю, – наш стрелок. Школьный изгой, поднос оказался на его голове уж точно не случайно».

Антон посидел какое-то время, прикрыв веки. В голову почему-то лезли собственные школьные годы. Вот он изгоем не был, наоборот, подавал большие надежды. И чем все за-

кончилось... да к черту! Не закончилось еще ничего!

Он взял следующие два листа, скрепленные между собой. На первом была переснятая статья из английской газеты, на втором – ее перевод.

ПОЖАР В ШКОЛЬНОЙ СТОЛОВОЙ

Сегодня в обеденное время в школьном кафетерии взорвался паровой котел. Большая часть детей тут же выбежали наружу, однако те, кто сидел в дальнем конце зала, за буфетной стойкой, оказались в ловушке, пламя в считанные секунды перекрыло им проход. Трех старшеклассниц, двух помощников на кухне и нескольких младших учеников вывел из пламени юный герой – шестнадцатилетний Марк Сигал. Никто не понимает, как это получилось, но те, кого он спас, не получили никаких ожогов. Однако на всякий случай все были доставлены в ближайшую больницу и отпущены по домам еще до вечера. Пятнадцатилетняя Энн Лин, одна из спасенных, утверждает, что, когда отважный Марк вел ее через пламя, она не ощущала страха или боли, напротив, ей было, как она выразилась, хорошо и весело на душе. Интересно, что скажут другие спасенные? Мы постараемся в ближайшее время опросить их и, конечно, опубликовать подробное интервью с самим мистером Сигалом.

Следующие несколько вырезок по делу о пожаре Антон

отложил – просмотрит, когда пойдет по второму кругу. Взял распечатку из другой газеты – в ней речь шла о крайне странном ночном происшествии, которое сам журналист окрестил случаем массового безумия.

Вечером в субботу пятого сентября с отделением полиции связался хозяин паба «Красный лев». Он сообщил, что час назад уже весьма разгоряченная компания работников одного ближайшего офиса в количестве семи мужчин – из тех, кто никогда не пропускает пятничные вечера, – покинула его паб с целью немного проветриться. Далеко они не ушли – владелец паба слышал их воодушевленное и громкое пение со стороны ближайшего сквера и с минуты на минуту ждал их назад. В самом деле, очень скоро четверо из них снова появились в дверях, но не сели за стол, а промчались через зал, сметая все на своем пути, и забаррикадировались в подсобном помещении. Другие посетители обратили внимание, что вид у бегущих был совершенно безумный, они издавали крики, полные ужаса, один громко и на одной ноте визжал.

Прибывшие на место полицейские до самого утра пытались выманить четверку из кладовки, при этом не навредив им, поскольку те грозили покончить с собой, если их не оставят в покое. При этом все четверо не переставали орать, периодически нападая друг на друга. Когда полицейские выломали дверь, один уже был мертв, а другой на их глазах ударил себя ножом в

грудь.

Между тем другие полицейские всю ночь отлавливали по городу оставшихся троих из той же злополучной компании. Те разбежались в разные стороны и никому не давали к себе приблизиться. По свидетельству очевидцев, они вели себя так, будто были до смерти напуганы. Одного спасти не удалось – он бросился под колеса автобуса. Другие пойманы, и, по неточным данным, все четверо уцелевших сейчас находятся в лечебнице соответствующего профиля. Причины их странного поведения выясняются, к хозяину паба и его продукции у полицейских претензий нет, поскольку больше никто из посетителей не пострадал. Этот уважаемый сэр связался с нашей газетой и настоятельно попросил напомнить всем жителям Барнса о прекрасной репутации его паба, одного из лучших не только в нашем городке, но и в Лондоне.

Следующая подборка материалов, скрепленная степлером, оказалась самой увесистой. Кинебомба проверил даты – речь шла о событии, случившемся уже после пожара в школьном кафетерии, в самом конце сентября. «ТРАГЕДИЯ НА ОСТРОВЕ» – гласил очередной газетный заголовок.

Однако тут Антона отвлек телефонный звонок. Звонил Платон Воронцов. После короткого разговора с ним Кинебомба разволновался и даже сделал пару кругов вокруг своего квартала, не обращая внимания на сырость.

К приходу ребят все было готово: Злата разложила на спальном диване Эллы некоторые предметы из ее гардероба, предварительно созвонившись с хозяйкой и спросив разрешения. Конечно, она выбрала самые безразмерные свитера и штаны, но, когда Таня в махровом халате после душа вышла в комнату, ее немедленно бросило в жар: а вдруг ничего не налезет, вот будет позор! Ведь ее собственная одежда уже вращалась в стиральной машинке.

Злата деликатно испарилась, и Милич долго собиралась с духом, прежде чем взяться за джинсы. Но они, словно по волшебству, налезли быстро и без проблем, как и футболка, и свитер. Осторожно и недоверчиво девочка подошла к зеркалу над комодом, повертелась, изучая себя со всех сторон, и обнаружила, что уже не выглядит такой безобразно толстой, как пару недель назад. Даже поверить было трудно!

Но ее уже звали с кухни. Платон сварил кофе с корицей, а Злата соорудила горячие бутерброды и два салата – из овощей и из фруктов. Готовилось это для Тани, но перекусить перед важным разговором не отказался никто. Абрек, само собой, уже занял стратегическую позицию у стола и проводил взглядом каждый отправляемый в рот кусок. Маго, примчавшийся на кухню по первому зову, – он с городского телефона в прихожей предупреждал бабулю, что задержится

у друзей, – удивился и даже споткнулся на ходу, обнаружив там Вику Фомину.

Девочка в пушистом свитере сидела на табурете, поджав коленки к подбородку. Она казалась очень бледной, возможно, даже заплаканной.

– Тебе ребята позвонили? – спросил Маго. – Я и сам хотел, но потом подумал, что ты же с мамой...

– Маму забрали в больницу, – тусклым голосом сообщила Вика. – Ее состояние ухудшилось, пришлось вызвать скорую. А фельдшер категорически сказал, что ей нужно быть под присмотром врачей в реанимации. Что мы могли возразить? Теперь отец с ума сходит, не знает, правильно ли поступил, ну, что вызвал врачей. Ведь со мной она хотя бы не могла... в общем, отправил меня проветриться, а я сразу прибежала сюда.

– Под домом нас дожидалась, – мягко вставил проходящий мимо Платон, ласково коснувшись плеча девочки.

Она так и вспыхнула.

– Почему ей стало хуже, ведь бандероль-то пришла? – спросил не на шутку взволнованный Угушев.

– Да, пришла, мама была счастлива, даже смеялась – я уж и не помню, когда слышала ее смех. А потом начался спад, ну, переволновалась, понимаешь?

– Ага, понимаю. – Маго быстро огляделся: Платон разливал кофе по керамическим чашкам, белым с черным узором вроде птичьих следов, Таня помогала Злате расставлять та-

релки. Придвинулся поближе. – Слушай, Вик, а что, если бы твоя мать точно знала, что ее настоящая дочь жива? Ну, картинки, артики, – что там вам присылают, – это ведь не доказательство, верно?

Вика подавленно кивнула:

– Верно. Я и сама...

– А если есть настоящее, железобетонное доказательство? Ей от него хуже стало бы или лучше?

Девочка нервно сглотнула, поморгала изумленно, но потом решила, что вопрос гипотетический. Ответила тихим голосом, в котором плескалась тоска:

– Она была бы очень счастлива. А насчет состояния трудно сказать, бывает ведь, что люди умирают и от радости. Но, если постепенно подготовить, возможно, у нее появились бы силы побороть болезнь. Я слышала, однажды один врач сказал, что она не старается. А не старается, потому что стимула нет...

– Ну так, я все понял, – покивал Маго и, приняв позу мыслителя, уперся глазами в пол.

Только Абрек теперь мог видеть выражение крайней решимости на его лице, но пса волновали только ароматные бутерброды.

Грея руки о чашку, исходящую паром, Таня вполне спокойно рассказала о том, что случилось всего-то за два часа после окончания уроков.

– Остановить эти объявления мы не можем, на бесплат-

ных ресурсах они могут хоть каждый час выходить, – выслушав ее, проговорил Платон. – Значит, Танюш, придется с тебя глаз не спускать, а то ведь запросто могут камнем пульнуть или еще чего похуже.

– Я об этом пока даже не думаю, – созналась девочка. – Пуляют – пусть. Но мне до смерти страшно, что дойдет до родителей. Они моментально захотят меня как-то изолировать, увезти, отправить к родственникам подальше от этого городка. А ведь нас тут собрали для какой-то цели. И... вы же понимаете... – Продолжать она не могла, перехватило дыхание, полились слезы.

Злата и Вика бросились обнимать и утешать подругу, а Воронцов сказал подчеркнуто спокойным голосом:

– Значит, будем делать все возможное, чтобы они не узнали. Нам с Маго придется превратиться в твои тени, провожать тебя до гимназии и обратно. Хуже всего, что в объявлениях есть твой домашний адрес и отчаявшийся бедолага вроде сегодняшнего парнишки может и домой заявиться. Я, конечно, предупрежу Антона Петровича – может, он согласится приглядывать за домом. А что ты скажешь, Тань, если мы посвятим в происходящее твоего брата?

– Володю? – ахнула Милич и уронила бутерброд. Но он не успел коснуться колен – Абрек не дремал. – Ой, я даже не знаю. Вовка очень хороший брат... да что я такое говорю, он самый лучший брат на всем свете. Но если он хотя бы заподозрит, что существует реальный риск для меня, то, скорее

всего, расскажет родителям.

– А если я с ним поговорю? – тихонько спросила Злата и, слегка порозовев, отвернулась к окну.

– Ради тебя он на что угодно согласится. – Таня даже не заметила от расстройств, как сдала брата с потрохами, выложив его сердечную тайну. – Вот только мной рисковать все равно не станет.

На минуту повисла тишина.

– Но другого выхода у нас нет, – сказал Платон. – Нам нужно просто встретиться с ним и все рассказать. Пригласить Антона Петровича, чтобы твой брат не принял нас за группу спятивших подростков. Главное, чтобы он понял: некто неведомый не позволит, чтобы тебя увезли из города. К тому же в опасности окажутся жизни ваших родителей и его самого.

Повисла минута тревожной тишины, даже Маго из солидарности перестал жевать и обвел любопытными глазами беспокойные лица старших товарищей. Вообще-то у него тоже имелся свой план, и, согласно этому плану, Дашке Зиминской скоро станет не до объявлений. Маго собирался сделать все сам, но, чтобы немного успокоить ребят, кое-что можно было сказать:

– А еще мы должны запустить антирекламу в сеть, – объявил он с набитым ртом. – Прогоним десяток ужастиков о том, что случилось с теми, кто обратился к Таньке. Парня сегодняшнего беру на себя, я номер его школы запомнил. Он

у нас будет главным свидетелем, почему нельзя кое у кого просить прощения. Такую историю на видео расскажет – народ заснуть после этого не сможет.

– Маго! – предупреждая произнесла Злата.

– Что «Маго», что «Маго»?! Я это и без камешков спокойно проверну! Это легкотня. Мы ему помогли, будь добр – отточку. Только, Таньк, на случай его несговорчивости Абрека с собой возьму, лады?

Милич громко и жалобно вздохнула в ответ.

– Ладно, – постаралась разрядить атмосферу Злата. – Нам еще нужен предлог, чтобы пригласить Володю сюда. Ну в том смысле предлог, чтобы он не начал дергаться раньше времени. Думаю, можно сказать, что я завтра отмечаю день рождения, накрыть стол. Я после школы все сделаю.

– А на самом деле когда? – встрепенулся Маго.

– По документам в самом деле скоро, в середине октября, так что это не обман. А вообще не знаю.

– Как и все мы, – сказала Вика.

– Есть идея! – тут же загорелся, слетел с табурета Угушев. – Давайте выберем день, единый для всех нас, понимаете? День рождения нашей пятерки. Завтра – ладно, для дела, все равно за разговорами будет не до веселья. А потом как-нибудь решим.

– По какому принципу будем выбирать? – серьезным тоном, без всякой насмешки спросил Воронцов.

– Ну, обмозговать нужно. Можно взять даты из докумен-

тов и как-то с ними поиграть, среднее арифметическое, к примеру...

– Может, лучше в конце августа, в ту неделю, когда нас всех нашли? – предложила Таня и вроде даже ожила немного, вышла из ступора.

– Отличная идея, молодец, Танька! – завопил воодушевленный Магомет. – Можно все пять дней праздновать! Платон, поддержи!

Похоже, мысли Воронцова витали где-то очень далеко, но радостный вопль друга он услышал и улыбнулся как-то невесело:

– Идея-то хороша, но сейчас ты сообразишь, что в этом году время мы уже упустили, и теперь целый год ждать.

– Что такое год? – передернул плечами Угушев. – Он быстро пролетит. Мы же никогда теперь не расстанемся, верно? Даже когда вырастем, будем держаться друг за дружку, как братья и сестры, так?

– Конечно, не расстанемся, – поспешил ответить Платон.

Но голос его прозвучал странно, будто он чем-то подавился. Парень неловко вскочил и поспешил отойти к окну, распахнул форточку. Вика и Таня обменялись тревожными взглядами, а Злата сказала нарочито веселым голосом:

– А мы и в этом году отпразднуем, раз прежде не успели. Но только дождемся, когда Элла и Эдуард выйдут из больницы. Они ведь наши друзья, как же без них, верно?



Глава 7

Дневник убийцы



Чтение распечаток Кинебомба продолжил позднее тем же вечером. Точнее, уже ночью. Сперва позвонил Редкому, вежливо осведомился, как у него и Эллы проходит лечение.

Голос друга в трубке звучал как-то загадочно, но сам он ничего не рассказывал, и Антон знал: выпрашивать смысла не имеет. Собственно, лишь один вопрос по-настоящему волновал его: знают ли ребята о поразительной связи между первенцами? И если да, то почему не сказали ему? Забыли,

не сочли нужным, не доверяют?

Он и так и этак приближался к теме, кидал намеки. Признания не прозвучало, Антон говорил все суше, от предложения перекинуться парой слов с Эллой отказался таким раздраженным и брюзгливым тоном, что Редкий, кажется, всерьез обиделся. Простились холодно.

Кинебомба схватился за бумаги, стараясь не допускать в голову мысли о том, что у него, похоже, больше нет в мире ни единого друга.

ТРАГЕДИЯ В ЗАПОВЕДНИКЕ

Что-то неладное творится в Барнсской государственной школе. Две недели назад мы уже писали о взрыве и последующем пожаре в школьном кафетерии, но только тогда обошлось без жертв. Мы с удовольствием рассказали о юном герое, который не растерялся и спас своих товарищей. Но вот еще одна история, и пока что с открытым финалом.

На последние выходные сентября для учеников все той же школы был намечен традиционный выезд в национальный заповедник. В поход пригласили учащихся средней школы, но только тех, кто удачно начал год, – выезд считался поощрительным. В результате в нем приняли участие двадцать пять учеников, а в качестве сопровождающих – два учителя, стажер и четверо родителей. Участники похода прошли

по экотропе, поучаствовали в спортивном марафоне и осмотрели заповедник, а потом разбили палаточный лагерь на довольно большом острове.

Ночь прошла спокойно, но на рассвете недосчитались трех учеников: двух девочек и мальчика. Никто не заметил, когда они покинули свои палатки. Несколько ребят говорили, что слышали ночью какой-то странный шум со стороны леса, крики и громкий птичий клекот, но побоялись выглянуть наружу, а звуки быстро прекратились.

Поначалу детей искали своими силами, думая, что они просто заплутали в темноте. Но после того как в лесу были обнаружены их смартфоны и некоторые предметы одежды, поставили в известность полицию. Поиск пропавших продолжался на земле и с неба непрерывно несколько суток. На следующую ночь с помощью тепловизора обнаружили одного из детей. Это был мальчик, Сид Мартинес, он лежал на кочке в заболоченной части леса в полутора километрах от лагеря. Бедняга был раздет до белья, с явными признаками переохлаждения, и не подавал признаков жизни. В больнице он пришел в сознание, однако рассказать о случившемся пока не в силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.